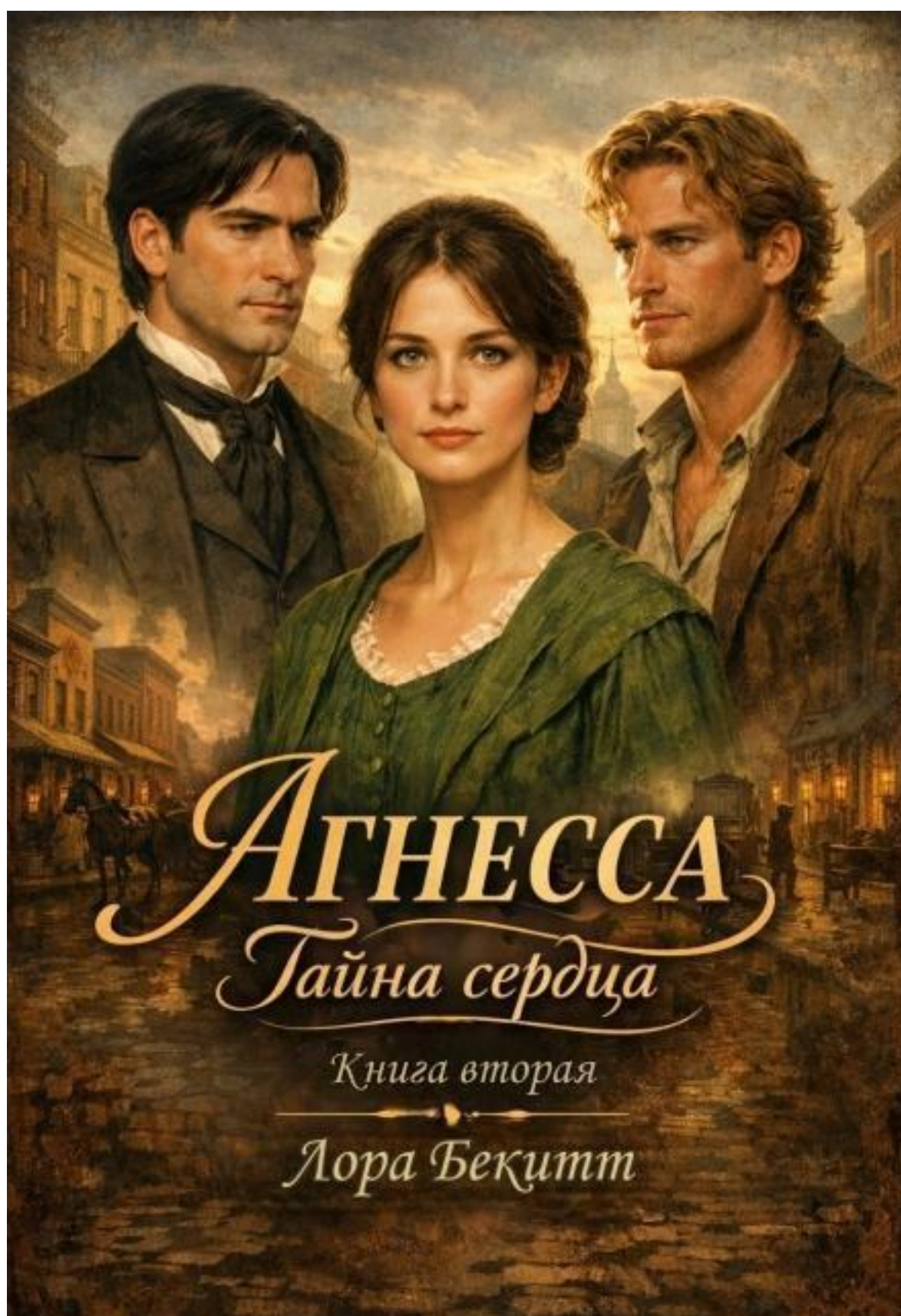

Лора Бекитт

**Агнесса. Тайна
сердца. Книга вторая**

«Литнет»

2026

Бекитт Л.

Агнесса. Тайна сердца. Книга вторая / Л. Бекитт — «Литнет», 2026

Америка, XIX век. Продолжение истории о судьбе Агнессы Митчелл. После того как некоторые тайны стали явными, перед героиней вновь встает выбор: следовать голосу разума или отдаться во власть эмоций? Агнесса публично наказала Гейл Миллер — женщину, причинившую страдания ее близким. Но Гейл не собирается сдаваться без боя, и последствия непредсказуемы. Любовь Агнессы по-прежнему делят благородный состоятельный Орвил и Джек, простой работник конюшни с темным прошлым. Каждый стремится понять ее сердце. Какие еще испытания для героев приготовила жизнь? Кто обретет счастье и с кем? Ответы на эти вопросы вы найдете во второй части романа. Первая книга: ВНИМАНИЕ!!!: предыстория романа: Проды (за исключением форс-мажора) каждый день. ОБЛОЖКА ОТ КОНСТАНТИНА БРЕЗА

© Бекитт Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвертая	17
Глава пятая	20
Глава шестая	23
Глава седьмая	26
Глава восьмая	29
Глава девятая	33
Глава десятая	36
Глава одиннадцатая	40
Глава двенадцатая	43
Глава тринадцатая	45
Глава четырнадцатая	48
Глава пятнадцатая	51
Глава шестнадцатая	55
Глава семнадцатая	58
Глава восемнадцатая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Глава первая

Дорогие читатели! Это вторая часть романа "Агнесса. Тайна сердца". Первая здесь: <https://litnet.com/shrt/Cxjq>

Большинство людей, которым известна моя история, говорили, что я совершила большую глупость, сама разрушила свою жизнь и жизнь своих близких. Узнать, изменилась я или нет, они смогут, прочитав эту книгу.

Агнесса Митчелл

Волны шли одна за другой, вздымались холмами, гулко накатывали на берег, расползались к ногам зыбким кружевом белой пены. Небо затянули по-осеннему плотные облака, но горы еще были покрыты темно-зеленым кустарником. Неведомые тропинки змеились по склонам и ускользали вдаль.

Когда Агнесса и Рэй только приехали в город, палящее солнце отражалось от белых известняков и серых камней, ноги утопали в горячей пыли. Небеса дышали зноем, воздух был насыщен ароматами смолы. Стрекотанье цикад в пышных кронах деревьев заглушало шум океана, прозрачные воды которого не бурлили, а лениво колыхались, будто в гигантской чаше.

Погода изменилась в одночасье, как нередко меняется многое в этой непрочной жизни. Наверняка еще будет солнечно и тепло, но уже не так, потому что лето утратило свою власть над природой. Агнесса и Рэй стояли на берегу и то смотрели на океан, то оглядывались назад, где дома местных жителей теснились к пологим скатам виноградников. Многие особняки были окружены кипарисами, издалика напоминавшими наконечники огромных копий. Вопреки ожиданию, путешествие с племянником Орвила показалось Агнесе интересным. Он изменился, повзрослел, и хотя многое в нем оставалось прежним, относился к ней с неизменным уважением, словно у них было что-то общее. По крайней мере, так казалось внешне.

Рэй искал покупателей серого особняка и старался не продешевить. А Агнесса решила: пусть эти места навсегда поселились в ее душе, больше она не захочет сюда приезжать. Слишком многое здесь произошло, слишком живы следы воспоминаний. Отсюда она когда-то сбежала, проложив путь своей непростой судьбе. Сюда когда-то вернулась, чтобы совершить то, что люди сочли непоправимым.

— Не верится, что Джессика вышла замуж, — сказала она Рэю.

О том, что бракосочетание состоялось, Орвил известил ее телеграммой.

— Вы не рады?

— Конечно, я рада. Джессика сможет разделить судьбу с тем, кого полюбила. Ничто ей не мешало. И никто не мешал. Пусть даже кто-то сочтет, что она повела себя легкомысленно.

— Поверьте, Агнесса, Джесс всегда знает, что делает.

Агнесса усмехнулась.

— В отличие от своей матери.

— Вы тоже хорошо это знаете. Просто ваши поступки часто противоречили общепринятым правилам, — сказал Рэй. — Сейчас вы свободны, за особняк вы выручите много денег и живите себе, как хотите, как считаете нужным.

«Если бы я жила так, как считаю нужным, так, как необходимо жить с точки зрения разума, многого бы в моей судьбе просто не было. Но я только и умела, что слушать свое сердце», — подумала Агнесса.

— Нет, Рэй, к сожалению, я никогда не была свободной и вряд ли когда-нибудь стану. Думаешь, мне не хотелось разрушить стену, воздвигнутую между мной и окружающим миром? Но у меня так ничего и не вышло. Я получила хороший урок: жизнь может запросто отобрать у тебя то, что дорого, а вернуть уже не получится. А если она и вернет, то совсем не так, как ты это себе представляешь.

Когда они приехали, дом был заперт, ставни заколочены, внутри все покрыто пылью, сад зарос. Агнесса сама взялась за уборку, а для того, чтобы привести в порядок сад, наняла людей. Сперва они с Рэем поселились в гостинице и только потом переехали в серый особняк. Пока было тепло, молодой человек ходил купаться, но у Агнессы не было желания приближаться к океану.

Однако сейчас она смотрела на воду, слушала ветер, который уныло свистел в прибрежном кустарнике, поднимал с берега мелкий песок. Ближайшие валуны образовывали круг, внутри которого волны пенились и растворялись в водовороте. На берегу валялись выброшенные прибоем мертвые водоросли, какие-то палки и доски, напоминавшие обломки кораблекрушения.

— Извините, Агнесса, но дядя просто дурак.

— Все говорят, что это я дура.

— Вы нет, потому что не отказываетесь от того, что вам нужно.

Она повернулась к нему.

— Как бы ты поступил на месте Орвила?

— Не знаю. Я не влюблялся. Но я бы не стал умышленно терять то, что хочу получить.

— Возможно, он не хотел.

— Может, и нет, но мне кажется, да.

— Почему ты не влюблялся?

— Наверное, я какой-то другой. Испытал разочарование прежде, чем оно по-настоящему настигло меня.

— Полагаешь, лучше жить разумом?

— Так проще. Вы тоже пробовали. Любили вы дядю, не любили, но он порядочный во всех отношениях человек. С ним вам было спокойно. Удобно. Он, если найдет подходящую гавань, никуда больше не тронется.

«Нет, меня нельзя назвать подходящей гаванью. Орвил полюбил меня вопреки всему. Однако стоило ему поддаться чувствам, как он потерпел крах. И после боялся вновь совершить ошибку», — подумала Агнесса.

— Орвил пытался изменить свою жизнь. С Гейл Миллер, — заметила она.

— Это она пыталась. А дядя просто глупо повелся. Кстати, я удивился, когда узнал, что она уехала из города.

— Она вернется, — убежденно произнесла Агнесса. — Такие, как она, всегда возвращаются.

— Почему-то мне тоже так кажется. Хуже всего, что действия этой женщины сложно предугадать. Возможно, она и уехала как раз затем, чтобы все обдумать и подготовиться к наступлению.

— На открытое преступление она не пойдет.

— Не беспокойтесь, она придумает что-нибудь посложнее.

— Спасибо, утешил, Рэй! И все-таки почему ты до сих пор не влюблялся? Это как-то странно. Уверена, ты обязательно полюбишь, без этого не обходится ни одна жизнь.

— Я равнодушен к женской красоте, я могу ухаживать, соблазнять, при этом в сердце ничего нет. Наверное, таким был мой отец, которого дядя ненавидел.

— Сложно вообразить, что Орвил может кого-то ненавидеть.

— Без ненависти, как и, по вашим словам, без любви, тоже не обходится ни одна жизнь. Другое дело, дядя неспособен никого уничтожить.

Они вернулись в особняк, и Агнесса занялась ужином. Она сама ходила за покупками и готовила. Сегодня это был суп из морского окуня, овощной салат и хлеб. Они с Рэем сели возле окна, чтобы видеть, как солнце спускается с неба и погружается в океан на самом краю розовато-синего горизонта. До них долетал прохладный вечерний ветер, доносился запах соленой

воды. Оконные стекла пламенели в свете заката. Потом на небе появятся ожерелья созвездий, по океану протянется призрачная лунная дорога.

— Каким тебе показался Джерри? — спросила Агнесса.

— Нормальный счастливый мальчишка, как и другой ваш сын.

— Мне много лет не дает покоя то, что он всего лишь может приезжать ко мне, но не жить со мной.

— Джерри привык к этому с раннего детства, ему наверняка кажется, что так и надо.

— Он вырастет и станет задавать вопросы, — задумчиво промолвила Агнесса.

— Все мы задаем вопросы. Жизнь вообще сплошная неразрешимая загадка, — заметил Рэй.

— И мы всегда думаем, что у нас еще остается много времени, чтобы что-то исправить или даже начать все сначала.

— Вы говорили про дядю, Агнесса. Он воспитан так, что если что-то нарушить, значит переступить границу, невидимую черту. И обратного хода нет.

— Я нарушала еще до него.

— Вот именно, до него. А вот то, что вы сделали после... Вы переступили, а он не может. Не может главного — перешагнуть через себя.

— Для Орвила слова «совесть» и «честь» никогда не были пустым звуком, — сказала Агнесса и спросила: — Ты рано потерял родителей, Рэй. Ты их помнишь?

— Отца нет, а маму помню. Она все время болела. — Он помолчал, потом сказал: — Когда после ее смерти дядя привез меня к себе, я сразу увидел, как сильно он любит Джессику, которая, по сути, была для него чужой. Тогда как меня, своего родного племянника, он просто терпел.

— Со временем твои отношения с Джессикой изменились. Мне кажется, с дядей тоже изменятся.

Рэй улыбнулся.

— Это уже произошло. Он недаром отправил с вами именно меня. А Джесс правильно сделала, что уехала в Париж и вышла замуж за того француза. Она получила хорошее воспитание, образование, но все равно не вписывалась в это общество. Хотя сумела бы себя защитить. У Джессики большой запас душевной прочности. Я знал, что она добьется всего, чего только захочет. Она хорошо понимает, что в этой жизни мало что стоит откладывать на потом.

— Ты не ревнуешь? — спросила Агнесса.

Молодой человек усмехнулся.

— Я же не был в нее влюблен. Просто сумел оценить ее качества.

После ужина, убрав со стола, Агнесса взяла лампу и прошла в свою прежнюю комнату. Пламя подергивалось, и на стенах плясали тени. Она знала, что не сразу уснет под мерный рокот далеких волн, а будет думать и вспоминать. На кровать падала тень оконной рамы. В это окно она вылезла, когда решила сбежать из дома. Тогда ей было всего семнадцать. А десять лет спустя в него же забрался Джек, чтобы быть с ней, невзирая на опасность и мораль. Выход и вход могут легко меняться местами, однако существует немало вещей, которые остаются неизменными от века. Агнесса чувствовала себя счастливой оттого, что жизнь ее дочери, хотя та и поступила вопреки тому, чему ее учили и как ее воспитывали, складывается по-другому.

Утро выдалось солнечным и теплым. Океанская гладь лишь слегка рябила, с побережья доносились резкие крики чаек. Рэй рано куда-то ушел, и Агнесса решила дожидаться его с завтраком. Она поджарила на сковородке кусочки хлеба, положила на них сыр, чтобы он расплавился, посыпала зеленью. Поставила вазочки с купленным на рынке персиковым и абрикосовым вареньем. Рэй вернулся, когда Агнесса заваривала чай. Поприветствовав ее, он сел за стол.

— Куда ты ходил? — спросила она.

— Сделка сорвалась, — произнес Рэй вместо ответа. — Уже вторая.

— Может быть, снизить цену? Мы живем скромно, нам хватит и меньше.

— Дело не в цене, Агнесса. Ваш особняк пользуется дурной славой, у него плохая репутация.

Агнесса склонила голову набок и подняла брови.

— Репутация дома?

— Да. Это была громкая история, причем даже две. Из дома непонятно с кем сбегает хорошо воспитанная молодая девушка, которую принимают в местном обществе. Спустя десять лет появляется женщина, которую, по слухам, изгнал муж. Она живет одна, ни с кем не общается. Потом возникает мужчина, кому-то приходит в голову, что в доме происходит что-то подозрительное и доносит. Полиция приходит с проверкой, мужчина пугается, бежит, в него стреляют, и он бросается в воду. После оказывается, что он беглый преступник. Женщину допрашивают и отпускают, потому как она замужем за уважаемым и состоятельным человеком, и она уезжает. А сейчас она снова тут и хочет продать особняк.

— Прошло столько лет! Неужели люди все это помнят!

— Возможно, не помнят, но когда речь идет о продаже дома, вспоминают. Здесь мало что происходит, тем более чего-то похожего. И люди не хотят, чтобы их имена кто-то связывал с фамилией Митчелл.

— А если продать иногородним?

— Их надо найти. Я подал объявления в несколько газет, но на это уйдет время. Я не могу долго задерживаться и пропускать учебу.

— У меня тоже нет возможности поселиться здесь и ждать. Вот только если особняк не удастся продать, мне не на что будет жить. Я не уверена, что меня возьмут на работу в том городе, где я скандализовала общество. А как же Терри? А Билл? Продать другой дом и куда-то уехать? Тогда как же Джерри?

— Я бы помог вам, Агнесса, но у меня тоже ничего нет, — сказал Рэй. — Мой вам совет: наметьте дяде.

— После того как я от всего отказалась? Это невозможно, я никогда на такое не пойду.

— Попросите помощи у Джессики. Я знаю, что дядя даст ей любую сумму.

— Что ты, Рэй! Моя дочь только начинает свою собственную жизнь. И это опять-таки будут деньги Орвила Лемба.

— У вашей матери?

— Ни за что!

— А если попробовать не продать дом, а сдать? Пусть это будет не та сумма, на которую вы рассчитывали, но все-таки кое-что. И потом, может быть, особняк вам когда-нибудь пригодится?

— Не знаю, Рэй, я больше не хочу сюда приезжать. Говорят, годы уносят все, но мои воспоминания не могут меня оставить.

— Думаю, у вас все получится, Агнесса. Вы способны на многое. Ваша последняя выходка привела меня в полный восторг! Кто бы еще решился на такое! Кажется, даже дядя оценил.

— Когда репутация безвозвратно погублена, несложно выкинуть что-то еще.

Днем Агнесса гуляла по городу, городу, который так хорошо помнила она и который тоже, оказывается, помнил ее. Хотя едва ли кто-нибудь мог ее узнать. Она шла по аллее, и над ее головой сплелись ветви деревьев, под ногами была земля, усыпанная перемешанным с мелкими ракушками мягким песком и напоминающими крохотные сабли иглами вечнозеленых деревьев. Тьма минувших времен, отлив, а не прилив жизненных сил — все это одолевало ее, внушая чувство неодолимой печали.

Агнесса задала себе вопрос: а есть ли здесь еще тот конный завод, на котором она впервые увидела Джека? Наверное, да. Хотя если даже там до сих пор резвились прекрасные лошади,

уже не было юных Джека и Орвила, которые делили одну комнату, а потом... и одну женщину. Стараясь отвлечься, Агнесса подумала о том, как ошибаются те, кто считает, будто она не понимает, что такое имущественное положение, обеспеченность, деньги. Она прекрасно знала, как велика важность *начала*, зачастую предопределяющего итог. Если бы не состояние Орвила, за которого она, Агнесса, вышла замуж, Джессика не изучала бы французский, не поехала бы в Париж, не встретила бы Поля Леру, и ее талант художницы едва ли получил бы развитие. У ее дочери была бы иная судьба, которой наверняка нельзя было бы позавидовать.

Джек ничего не добился в жизни, потому что вырос на улице. И у него никогда не было ни гроша. Орвил уезжал из дома и от своего отца, но когда вернулся, получил все, принадлежащее ему по праву наследования. Ее мать, как и Гейл Маккензи, были бы рады не жить за счет мужчин, но им пришлось на это пойти. Женщина, продающая тело, продает не только его, но и душу. Ей, Агнессе Митчелл, повезло не делать хотя бы этого. В глазах людей она совершила преступление, но это не было преступлением против общества. Пострадали только отдельные люди. Все трое — она сама, Джек, Орвил — полюбили вопреки чему-то. И каждый из них в большей или в меньшей степени, долгий или короткий срок расплачивался самым печальным, что есть на свете. Одиночеством.

Глава вторая

Когда поезд приблизился к станции, Агнессе почудилось, что она успела отвыкнуть от мест, которые за долгие годы привыкла считать родными. После небольшого калифорнийского городка с его узкими улочками и южной природой все здесь казалось чужим. Поезд, в котором ехали Агнесса и Рэй, медленно проследовал к крытой платформе. Толпы людей сновали взад и вперед, тяжело пыхтели паровозы, гулко звонили колокола. Стоящего на перроне Орвила Агнесса заметила, когда смотрела в окно. Она знала, что он будет их встречать, и сразу решила самостоятельно добраться до своего дома. Она сказала ему об этом, когда они с Рэем вышли из вагона. Орвил согласился и не стал ни о чем расспрашивать Агнессу. Рэй и так все расскажет. Он взял для нее экипаж, и, быстро простившись, женщина уехала.

По дороге Орвил говорил с племянником о каких-то мелочах, приберегая важные вопросы на потом. Дома он дал Рэю время немного прийти в себя, а после позвал в гостиную.

— Скоро подадут обед, но прежде я хотел бы узнать о главном. Особняк вы не продали? Рэй слегка поморщился.

— Не удалось. — И рассказал о причине.

— Не думал, что так будет, — медленно произнес Орвил. — Значит, у людей не такая короткая память. Или ты что-то упустил?

Во взгляде Рэя промелькнула обида.

— Я вел деловые переговоры, я умею это делать. Все хотели знать прошлое дома, кто жил там раньше и почему продают.

— Ты бы не рассказывал о прошлом.

— Они сами все узнавали.

— А сдать особняк?

— Тоже не получилось. Для бедных это слишком большой дом, да и дорого, для богатых тоже не подходит. Сдавать надо на долгий срок, а эти хотят только на лето. А если пустить много людей, как в пансион, надо присматривать за ними, а мы далеко живем. Нанять человека, так нужно его проверить, а времени не было. Я разослал объявления в несколько газет. Там есть адрес Агнессы, а на всякий случай и ваш, дядя. Так что, возможно, кто-то откликнется.

Орвил задумался.

— Что намерена делать Агнесса?

— У нее осталось немного денег, она сказала, что на первое время хватит. Она не хочет бросать ни Терри, ни Билла. Сказала, пойдет работать.

— Работать, — все так же задумчиво повторил Орвил. — Интересно, куда?

— Попробует устроиться учительницей музыки. Но только ее не возьмут. Таких учителей нанимают обеспеченные люди, а в тех кругах ее хорошо знают или, по крайней мере, слышали о ней. В данном случае репутация должна быть безупречной. Кто даст рекомендации Агнессе? Никто, — промолвил Рэй, а затем сообщил: — Она сказала, что в случае неудачи пойдет в горничные.

При этих словах Орвил чуть не подпрыгнул на месте.

— В горничные? Моя бывшая жена хочет работать горничной?! Агнесса сошла с ума!

— Так ведь давно известно: с кем поведешься... — Рэй хмыкнул, а Орвил напрягся.

— Она что-то о нем говорила? — настороженно произнес он.

— Ровным счетом ничего. Но это ничего и не значит. Мне кажется, дядя, между ними вполне вероятны близкие отношения.

Орвил вздрогнул, как от внезапного удара.

— Почему ты так решил?

— Про Агнессу ничего не скажу, но Джек ни за что не упустит такую возможность.

Орвил помолчал, потом признался:

— Если это правда, я откажусь от Агнессы бесповоротно и навсегда.

— И запретите ей видеться с Джерри?

— Не знаю. Мой сын — заложник поведения своей матери.

— Это просто предположение, Агнесса не давала повода думать, что между ней и Джеком что-то есть, — поспешил успокоить Рэй, и Орвил сказал:

— Нужно придумать способ дать ей деньги.

— Бесполезно, она не возьмет. Я это сразу понял. Она твердо решила идти своим путем.

— Что вытворяет Агнесса! — Орвил сокрушенно покачал головой.

Рэй пожал плечами.

— Идет на принцип. Продолжает растаптывать вашу репутацию. Возможно, ей кажется, будто она больше не связана с вами, но на самом деле это не так. Вы правы: у вас общий сын, и это вредит его будущему.

— В том и суть. Все эти годы она время от времени говорила, что откажется от содержания, но это были только слова.

— Рано или поздно Агнесса всегда переходит к действиям. Вспомните хотя бы историю с мальчиками. Вот бы отправить ее куда-то подальше...

— Из этого ничего не выйдет, Рэй. Она никуда не уедет. Из-за Джерри.

— А из-за Джека-старшего?

Орвил усмехнулся.

— За него можно не беспокоиться. Этот последует за ней хоть на край света.

— По большому счету вы должны ее ненавидеть, дядя, — заметил Рэй.

— У меня нет ненависти. Лишь ощущение какого-то беспросветного тупика.

— Проблема в том, — сказал Рэй, — что если бы вы намного раньше простили Агнессу, если бы вы с ней сошлись, Джек все равно бы вернулся. И всегда находился где-то поблизости, хотя бы из-за своего сына. И если бы все повторилось, в пору бы было сойти с ума. Настоящая арена действий здесь и сейчас, и скажите спасибо за это. Потому что у вас еще есть выбор.

Они помолчали.

— А что слышно о миссис Миллер? — спросил молодой человек.

— Она не возвращалась. Губернатор с супругой заинтересовались тем, что сказала Агнесса. Они не потерпят рядом с собой фальшивых и нечестных людей. Миссис Неппер пыталась расспрашивать меня, но я ответил, что мне ничего не известно о прошлом Гейл Миллер. А с Агнессой они, понятное дело, увидаться не смогли. Да и вряд ли бы захотели.

Рэй усмехнулся.

— Не по статусу?

— Можно и так сказать.

— И что, вы думаете, будет дальше?

Орвил нахмурился.

— Гейл Миллер ни за что этого так не оставит. Рано или поздно она нанесет ответный удар.

Переступив порог своего дома, Агнесса испытала то недолгое, непонятное, едва уловимое ощущение, которое испытывают многие, кто покидал ставший привычным кров не на несколько дней. Ощущение, будто дом стал каким-то другим, или ты сам смотришь на него иными глазами. Ее встретили с искренней радостью, и она тоже обрадовалась, несмотря на то, что не привезла хороших вестей. Узнав, что особняк не удалось продать, Терри расстроилась и еще больше огорчилась, услышав о дальнейших планах Агнессы.

— Пойдете работать? Да что вы, барышня!

— Не понимаю, что в этом такого? — защищалась Агнесса. — Ты прекрасно справишься с хозяйством, как справлялась всегда, с Джеком будет Билл. Другие женщины работают, пойду и я.

Терри поджала губы.

— Не такие женщины, как вы.

— А какие? Мне недолго пришлось побыть леди.

— Но я все же не представляю, как вы станете кому-то прислуживать! Неужели вам не будет неловко?

— Я постараюсь не наниматься к тем, кто меня знает, да они меня и не возьмут.

— А мистер Лемб? Каково ему будет узнать, что вы пошли в услужение? Он за вас переживает, — с укоризной произнесла Терри.

— Переживает? Ничего подобного! Бездушное участие — вот как это называется. И это мне надоело.

Терри от возмущения всплеснула руками.

— Какое бездушное, если он отправил с вами племянника! Мистер Лемб до сих пор охотно давал бы вам деньги на содержание, если бы вы не отказались из-за упрямства и ложной гордости!

— Я отказалась из порядочности, и ты это знаешь. Спала с одним, а деньги буду брать у другого — как это можно назвать? А что до переживаний мистера Лемба... Жизнь общества, к которому он принадлежит, держится на видимости. А я эту видимость разрушаю. Это сильно тревожит Орвила. Ладно, Терри, продолжим потом. Я хочу поговорить с сыном.

— А как же другой ваш сын? Мистер Лемб думает прежде всего о нем.

— Джерри нужно учиться принимать жизнь во всех ее проявлениях. Непредвиденностей будет много, пусть что-то узнает уже сейчас.

Джек ждал мать в гостиной, и Агнесса сразу увидела, что он чем-то озабочен и озадачен.

— Как ты, дружок? Чем занимался? — ласково спросила она.

— Билл меня хвалил. Мы учились писать сочинения.

— Молодец! А отец к тебе приходил? Ты виделся с ним?

— Виделся, но не часто. Он говорил, что у него много работы.

— Так и должно быть. И... что еще? — Агнесса видела, что сын хочет и не решается что-то сказать.

— Он был... какой-то не такой, — признался Джек.

Агнесса не на шутку испугалась.

— Не такой? А какой? Говори, Джек!

«Не знаю, но у него далеко не все в порядке с головой. Если бы он был способен нанести вред только себе — это еще полдела. Но от него могут пострадать и другие люди», — промелькнули в памяти слова Орвила.

— Он мало со мной разговаривал и будто все время о чем-то думал. А потом... потом он сказал, что ты... его не любишь.

Агнессу словно ударили по лицу. Зачем впутывать в это ребенка! Она присела перед сыном на корточки и посмотрела ему в глаза. Джек-младший был больше похож на нее: все говорили об этом, и она соглашалась. А Джерри сильно напоминал Орвила. У нее, у Орвила, у Джека-старшего был разный разрез глаз и разный цвет, но в какие-то мгновенья Агнессе казалось, что она видит себя, свои глаза в том ребенке, который похож вовсе не на нее. И так же случалось наоборот. Сейчас у ее младшего сына с его зелеными глазами был совсем другой взгляд. Взгляд его отца.

— И... что ты? — осторожно произнесла она.

— Я сказал, что это неправда, конечно, ты его любишь! — уверенно ответил мальчик. Потом вдруг спросил: — Так любишь или нет?

Агнесса вздрогнула и на мгновение закрыла лицо руками. Бог подарил ей детей с развитым воображением и чутким сердцем. Она долго смотрела на сына, а тот терпеливо ждал.

— Конечно, люблю. — Агнесса не отводила глаз. — Зачем спрашивать?

Она заметила, что ребенок облегченно перевел дыхание.

— Ты скажи ему, — тоном взрослого посоветовал он. — А то он переживает.

— Только ты никому об этом не говори, хорошо? — мягко сказала она.

— Не говорить Джерри, чтобы он не передал своему отцу, — заученно произнес Джек-младший.

— Дело не в этом. Просто существуют вещи, про которые говорят «это личное». Запомнишь?

Мальчик кивнул.

— Да, мама.

— Когда теперь обещал прийти твой отец?

— Завтра.

— Тогда вот что: к нему пойду я, а не ты. Мне нужно с ним поговорить. Это очень важно.

— Хорошо, иди, — нехотя согласился Джек. — Все равно завтра придет Джерри.

Глава третья

День выдался хотя и ветреный, но солнечный. Однако на горизонте постепенно скапливались темные тучи, когда-то могущие пролиться тяжелым холодным дождем. Джек стоял на берегу и смотрел на озеро, вспоминая утро, когда управляющий снова позвал его к себе.

— Я доволен, — сказал мистер Шон Хэнсли. — По-моему, на конюшне никогда еще не было такого порядка. А кто-то говорил, что не умеет отдавать распоряжения! Данкен сказал, стоит тебе бросить взгляд, и все тут же хватаются за работу. В общем, вдвоем вам на этой должности делать нечего. Ты будешь вместо Люка.

— А он?

— Данкену я поручу следить за закупками корма, амуниции, инвентаря. Не беспокойся, он ни в чем и ничего не потеряет. А ты продолжишь надзирать за порядком.

Услышав ненавистное слово «надзирать», слишком близкое к слову «надзиратель», Джек вздрогнул. Однако, по-видимому, управляющий уже все решил, а спорить с начальством себе дороже. Поэтому он ответил:

— Хорошо, сэр.

— Тебе нравится новое жилье?

— Да, спасибо.

Джек хотел сказать «у меня никогда такого не было», но сдержался.

— Где ты работал раньше? Ты же уходил отсюда, потом вернулся.

— Охранял лесопилку. Когда-то — на конном заводе. Почти такая же работа, как здесь, только это было далеко отсюда.

— Почти такая же? А что ты еще делал? — Шон Хэнсли был внимательным человеком.

— Объезжал лошадей.

— О!

— Тогда я был молод, теперь бы уже не справился, — поспешно добавил Джек.

— Да ты и сейчас не стар. Сколько тебе? Около сорока? А как у тебя с личной жизнью? Ты был женат?

— Нет. У меня никогда не было семьи, — ответил Джек, предупреждая дальнейшие расспросы.

— Все поправимо, — сказал управляющий и добавил: — Да, кстати, жалование я тебе опять прибавляю. Будет как у Данкена.

Джек знал, что должен обрадоваться, но он не обрадовался. По большому счету ему было все равно. И поправимым бы он ничего не назвал. Что касается того, что его слушались, то он просто растрачивал свою досаду, обиду и злость. С некоторых у него пор хорошо получалось держать людей на грани страха. За всю свою жизнь он видел много примеров для подражания. А ничья дружба ему нужна не была.

Все эти дни он терзался разными мыслями, но сейчас пытался успокоиться, потому что вот-вот придет его сын. Но вместо него появилась Агнесса. Джек не знал, что она приехала. Агнесса медленно приближалась к нему, увязая в песке. Свободно подвязанные волосы и концы ее шали трепал ветер. Глаза слезились, отчего казалось, что она плачет. Джек вдруг почувствовал, что если бы она в самом деле плакала, он бы не испытал жалости.

— Здравствуй, — сказала она. — Я вернулась.

Джек не знал, не придумал, как себя держать, и просто спросил:

— Ты продала дом?

— Не получилось.

— Почему?

— Оказывается, особняк тоже имеет свою историю, связанную с репутацией их хозяев, — невесело произнесла Агнесса.

— И что теперь?

— Не знаю. Возможно, пойду работать. Терри я никогда не платила жалованья, она бы и не взяла, но Билл... Не хочу, чтобы он уходил. А еще у нас много расходов по дому. И всем надо что-то есть.

Агнесса подумала о том, что хотя ее положение нельзя назвать нуждой, оно близко к нему. Настроение Джека разом переменялось.

— Работать?! Агнес! Я стану отдавать тебе все до последнего цента! Управляющий поставил меня старшим вместо Люка Данкена, а у того было приличное жалованье. Конюшня мистера Хартмана — место, где господа оставляют кучу денег. Просто раньше я был там ниже всех.

Агнесса покачала головой.

— Нет, Джек. Тебе самому многое нужно, ты просто не понимаешь.

— Ничего мне не нужно! А если что-то и надо, так этого у меня все равно никогда не будет.

В его голосе прозвучала такая горечь, что Агнесса почувствовала болезненный укол в сердце.

— Послушай, мы можем снова снять ту комнатку? — мягко произнесла она.

Лицо Джека странным образом исказилось, то была смесь страдания, обиды и затаенной злости.

— Да, но вот только я не хочу.

— Не хочешь?

— Я уже говорил, что твоя жалость мне не нужна. И я тебе не жеребец!

Агнесса отпрянула.

— Что ты сказал?!

— Это не я сказал! А твоя мать! И я не удивился. Мне не привыкать к тому, что все хотят сжить меня со свету.

— К тебе приходила моя мать?!

— Да, твоя. Чего только мне не наговорила! Хочешь, чтобы я повторил?

Агнесса прошептала:

— Хочу.

— Она утверждала, что ты это повторишь. И я сразу предупреждаю, что не покончу с собой, потому что у меня есть сын, которому я никогда не причиню боли. Твоей матери я тоже не доставлю такой радости, — заключил Джек, выложив как на духу все, что сказала ему Аманда.

— Как она могла! И ты ей поверил?!

— Почему не поверить? Когда собаку обучают командам, ей их повторяют сотню раз. А мне повторили гораздо больше сотни. Так что я хорошо выдрессирован. Мне нужна не твоя постель, Агнес, мне нужна ты! А тебе что — от меня?

Голос Агнессы дрогнул:

— Любовь.

— Я всегда тебя любил. Даже когда считался, да и сам считал себя... мертвым.

— Я тебя тоже.

Джек подался вперед. У него был взгляд, какого впору испугаться. В нем было не жадное желание, не безудержное стремление к ней. Мрачная отчужденность, отчаянная обида и неприкрытая злость. Он бросил ей:

— Врешь! Твоя мать сказала, что ты любишь Лемба. Мне кажется, это правда. А про меня ты знаешь, что я все равно никуда не денусь. Никогда не брошу тебя и не предаю. При этом ты только и ждешь, чтобы Орвил тебя простил, а он не может, ему мешаю я и мой сын!

— Я не говорила Орвилу, что я его люблю.

— Мне ты тоже не говорила! То есть говорила, но это было слишком давно.

Прежде она не видела его таким. Но и он не видел такой Агнессу с тех пор, как они снова встретились. Пристальный взгляд с поволокой мечтательности, словно она смотрела не только на него, а вглубь времен или заглядывала в самую себя. Прижатые к груди руки. Полуоткрытые нежные губы.

— Я люблю тебя, Джек. И не надо про смерть, потому что на свете существует бессмертие. Оно заключается в том, о чем я тебе только что сказала. И о чем сказал мне ты.

Он замер. Вокруг носился ветер. Сколько же было этих ветров, трепавших душу, словно ветхую ткань!

— Мне нужно время, чтобы поверить.

— У тебя будет время. И прошу, не разговаривай с сыном о нас — для этого он слишком маленький. А теперь я пойду. Сейчас придет Джерри, которого я еще не видела. Джек сегодня не придет, я попросила его остаться с братом.

Агнесса еле доплелась домой. Обняла старшего сына и крепко прижала к себе. Хорошо, что теперь мальчики не ревнуют ее друг к другу. Джерри забросал мать вопросами о поездке, а потом убежал в сад вместе с Джеком. Когда она вошла на кухню, Терри внимательно посмотрела на нее и с тревогой промолвила:

— Барышня, что с вами? На вас лица нет!

Агнесса провела рукой по лицу.

— Вроде на месте.

— Не шутите, вы бледная, как известковая стена. Сдается, поездка не пошла вам на пользу.

— Наверное.

Агнесса опустилась на стул, и Терри следила за ней. Куда подевалась недавняя жизнерадостность? Что-то произошло, кто-то что-то сказал или сделал, или сама она сделала и сказала.

— Мистер Лемб... — начала было Терри, и Агнесса вдруг вскричала с искаженным лицом:

— Да пошло все оно к дьяволу!

Потом закрыла лицо руками и разрыдалась.

Глава четвертая

— Не верится, Агнес, что с тех пор, как это случилось впервые, прошло столько лет!

— Это для меня впервые, а у тебя была куча девушек, — сказала она.

— Я ни одной из них не помню, — заметил Джек и попросил: — Скажи еще раз «я люблю тебя».

Агнесса посмотрела ему в глаза.

— Я... люблю тебя. Для тебя так важны слова?

— А для кого они не важны? В своей жизни я наслушался обидных и злых слов. Можно подумать, хуже меня никого и на свете нет.

— Не для меня.

— Мне и нужна только ты и наш сын.

— А Джессика?

Джек вздохнул.

— Так ей совсем не нужен. Для нее существует лишь Орвил Лемб. — Он помолчал, потом нерешительно произнес: — У тебя больше никогда ничего не будет с Орвиллом, Агнес? Твоя мать говорила, что он и в постели лучше меня.

— Она не спала ни с одним из вас! — дерзко заявила Агнесса и добавила серьезно: — Давай не будем обсуждать Орвила. Тем более сейчас и в этом смысле. Что касается Аманды Митчелл, я не могу простить ее за то, что она себе позволила. Если бы в обществе узнали правду о ней, ее репутации мигом пришел бы конец.

— А кем были *моиродители*? Наверное, я бы очень удивился, если бы узнал, хотя чему тут удивляться? Знаешь, есть нищие, которые просят «под младенцев». Мне кажется, со мной тоже так было.

— Ты думаешь?

— Иначе как бы я выжил? Я помню себя с тех пор, когда уже бегал по улицам. А до этого — ничего. Потом судьба послала мне Александра Тернера, который сжалился надо мной, взял на конный завод, научил обращаться с лошадьми, читать и писать. Помню, как меня раздражало, когда я не понимал, что написано на табличках, прибитых к загонам. Я знал клички всех лошадей, но каким показалось чудом, когда я впервые сумел их прочесть. Мне бесконечно жаль, что он погиб.

— Это ведь он подарил тебе те два кинжала, которыми ты так дорожил?

— Да. Интересно, где и у кого они сейчас?

— Я хранила их все эти годы и никому не показывала.

— Правда?! Агнес!

— Да. Но один отослала Полю в качестве свадебного подарка. Почему-то у меня случился такой порыв. Надеюсь, ты не станешь сердиться?

Про кораллы она не сказала, догадываясь, что подобный презент не обрадовал Джессику, а Джек не вспомнил о скромном украшении, которое преподнес ей, когда они начали встречаться.

— Конечно, нет. Возможно, такой подарок ему понравился.

Они помолчали, потом Агнесса сказала:

— Ты всегда тянулся к хорошему и светлому, Джекки.

— Просто с тобой я всегда становлюсь лучше, — ответил он, после чего заметил: — Меня тревожит, что я далеко не всегда рядом, тогда как Гейл может вернуться в любой момент, и мы об этом даже не узнаем.

— Что она может мне сделать? Шантажировать меня нечем. Избить, покалечить, убить? Неужели вдобавок ко всему она захочет стать преступницей?

И Джек с сомнением произнес:

— Не знаю.

Они находились в той самой комнатке, где впервые сблизились после второй разлуки. Агнесса знала, что теперь они не смогут часто видеться. Рэй оказался прав: никто не откликнулся на ее объявление об уроках музыки. И Агнесса не имела должного опыта, чтобы получить место в магазинах, к тому же туда преимущественно брали молоденьких девушек. Обращаться в отели она не хотела — там было слишкомлюдно.

Несмотря на уговоры Джека-старшего, Терри и Билла, Агнесса принялась искать место горничной и нашла, в доме принадлежащих к среднему классу людей, каких в городе было довольно много. Их не принимали в местном светском обществе, но они отчаянно стремились быть «как все» и «не хуже других». Деньги позволяли им нанимать прислугу и жить на довольно широкую ногу, хотя их имущественное положение, происхождение, образование никак не могло сравниться и сравняться с положением представителей высшего класса. Про Агнессу они ничего не знали, им понравились ее манеры, умение держать себя, аккуратность и скромность. Возраст Агнессы мистер и миссис Стовер тоже сочли подходящим: они не хотели нанимать ни молодую беспечную девушку, ни пожилую служанку, которая, возможно, станет быстро уставать. Агнесса объявила себя одинокой женщиной и сказала, что не сможет предоставить рекомендации, потому как давно нигде не работала. Однако Стоверы пришли к выводу, что она, без сомнения, получила уроки житейской мудрости. Что-то в ней говорило о том, что она пережила утраты, извела удары судьбы. Ей поверили и ее приняли: она должна была приступить к своим обязанностям в начале следующей недели.

Никто из окружающих не понимал, зачем она это делает, чего добивается, зачем ей это нужно. Терри подозревала, что у Агнессы имеются скрытые мотивы, о которых никто не догадывается, и не без основания полагала, что эта затея закончится скандалом. Билл считал, что, соглашаясь на такую работу, Агнесса сознательно унижает себя, потому как занимать место прислуги, безусловно, последнее дело. Джеку Агнесса заявила, что будет брать у него ровно столько денег, чтобы не ущемлять его самого. «В противном случае вообще не возьму», — сказала она. Орвилу пока не было известно ничего. С Амандой Агнесса наотрез отказалась общаться, не то чтобы принимать ее помощь, о чем сообщила в письме. Она думала о том, насколько мать несведуща относительно того, что, действуя с помощью подобных методов и средств, можно добиться прямо противоположного результата. По сути, она совершила то же самое, что невольно удалось сделать Гейл. Не оттолкнула от нее Джека, а заставила сблизиться с ним.

— У меня сегодня свободный день, — сказал Джек. — А как ты?

Услышав его голос, Агнесса очнулась от своих мыслей.

— Я могу не возвращаться до вечера. Скажу, у меня были дела.

— Тогда не будем терять время.

— Надо сходить куда-то поесть. Я проголодалась.

— В «Лесную обитель»?

— Да, можно туда.

— Тебе не скучно со мной, Агнес? Твоя мать, как впрочем, и остальные, внушала мне, что я полный дурак, — сказал Джек, когда они вышли на улицу.

— Не скучно. Думаешь, все эти люди из общества занимательны и интересны? Глупцов среди них не меньше, чем где-то еще. Там нет фальшивых драгоценностей, зато полно неискренних людей. Какое образование и где получила Гейл Миллер? В постелях богатых стариков? Она много лет полировала свою душу обманом, непорядочностью, притворством, — ответила Агнесса и попросила: — Расскажи о последних случаях на конюшне.

Джек часто говорил про животных, потому что видел их иначе, чем остальные, и относился к ним по-особому.

— Да все одно и то же. Правда, позавчера один парень получил от меня.

— За что?

— Он бил собаку. (На конюшне тоже были собаки.) Привязал и бил за то, что она якобы не слушалась. Когда я это увидел, то подошел и сказал, что отцеплю пса, уравнию их возможности, и посмотрим, что тогда будет. Он испугался и перестал, но я все-таки слегка наподдал ему на тот случай, если он меня плохо понял. Если живое существо крепко бить, Агнес, можно добиться покорности, но и только. Внутри останется страх, обида, злоба, презрение, желание отомстить. В общем, ничего хорошего. Тот, кого бьют, может думать только о своей защите.

— Я не могу забыть о том, что сделала моя мать, — сказала Агнесса, не зная, что ей испытывать: отчаяние или мстительную радость? На всякий случай она добавила: — Ни у кого нет права осуждать человека за то, что он не отказывается от любви. Ведь только в ней заключается правда и смысл нашей жизни.

Глава пятая

Джерри Лемб, у которого через неделю был день рождения, вошел в кабинет своего отца. Орвил спрашивал сына о том, что он желает получить в подарок, и мальчик не мог сказать. Сейчас Орвил подумал, что Джерри нашел ответ на его вопрос, поэтому и пришел. Но, оказалось, тот явился совсем не за этим.

— Послушай, папа, можно мне пригласить на день рождения Джека?

Орвил как сидел в кресле, так и застыл.

— К тебе придут друзья.

— Друзья. А Джек мой брат. Я сто раз бывал у него дома, а он у меня никогда.

— Ты едешь к своей матери.

— И к Джеку тоже.

Орвил не мог подобрать никаких доводов. Те, что у него были, не вписывались в правила морали, которые он, повинаясь родительскому долгу, был обязан внушать своему сыну. Агнесса в последнее время ничему и никому не подчинялась, и он, похоже, утратил над ней всякую власть. Хотя вполне возможно, что эту власть получил Джек-старший.

— Он не согласится. — Орвил с невольной надеждой подумал о том, что младший Джек его боится.

— Согласится, я спрашивал. Он давно хочет посмотреть, как я живу. Мама его отпустит, я с ней говорил. Сначала мама сказала, что мы все равно отпразднуем у них дома, но я ответил, что это не так интересно. И если *ей*нельзя сюда приезжать, пусть приедет Джек. К тому же в этот раз не будет Джессики. И Рэй уехал. Я знаю, тебе не нравится отец Джека, но мой брат не сделал тебе ничего плохого.

Джерри смотрел серьезно, пытливо, с долей упрямства. В его взгляде, голосе ясно читалось и слышалось: «Это же *мой* день рождения!» И — Орвил это чувствовал — у него было море вопросов, которые он пока что предпочитал держать при себе. Орвил прикрыл глаза рукой, будто их резал яркий свет. Перед Джерри вырисовывалась неприятная картина: его отец плохо относился к другим людям. Он молчал, и тогда Джерри сказал:

— Папа, почему мама пошла работать?

У мальчика был повод удивляться: ни одна женщина их круга никогда не работала. Для Орвила это тоже стало неприятной новостью. Он полагал, что со стороны Агнессы это всего лишь угрозы, фантазии, что угодно, кроме реальных действий.

— Кто тебе сказал? — недоверчиво произнес он.

— В прошлый раз я приехал, когда мамы не было дома, и узнал, что она на работе.

— Где она работает? — Орвил старался сдерживать эмоции и говорить спокойно.

— Я спрашивал Терри и Билла, но они не хотели отвечать. Зато Джек сказал, что она пошла в горничные в какую-то семью. Мама — горничная? Как наша прислуга?! Я спросил, почему, и Джек ответил, что им не хватает денег.

Во взгляде карих глаз Джерри читалось осуждение, но осуждал-то он не Агнессу! Орвил сам говорил ему, что это мужчина отвечает за женщину, а не наоборот. И он не мог наговаривать сыну на его мать. С мальчика хватило того, что Агнесса не жила с ними, и понимания, что этого не хочет отец. «По большому счету, вы должны ее ненавидеть, дядя», — сказал Рэй, и сейчас Орвил был близок к такому чувству. У него создавалось впечатление, что Агнесса мстит ему. Но за что? С кем она хочет себя уравнивать? «Общественное мнение — будь оно проклято! Скорее, это мне придется бежать из города» — с горькой иронией сказал себе Орвил.

— Я понимаю, что тебе тяжело было услышать такое, Джерри. Однако поверь, что это ее решение, не мое. И я не могу ничего исправить, — промолвил он и на всякий случай добавил: — Хочу, но не могу.

Джерри не знал, что и думать. Он все больше приходил к выводу, что разгадку неразрешимых проблем ему придется искать самому. И он задал лишь тот вопрос, ответ на который мог дать только отец:

— Так мне можно пригласить Джека или нет?

— Да гори оно все в огне! Приглашай! — закричал Орвил, и мальчик на мгновение испуганно отшатнулся, а после решил, что лучше выделить из ответа отца только то, что ему хотелось услышать.

— Тогда я его позову. Спасибо, папа, — произнес он вежливо, почти кротко.

После чего повернулся и молча вышел из кабинета.

В свой день рождения Джерри взял основные распоряжения на себя. Он сам решал, кто и где будет сидеть, какие кушанья надо подавать, и заранее отправил Тео с экипажем за своим братом. Он встретил Джека на крыльце и торжественно провел в дом. Тот бы настолько ошеломлен, оказавшись в огромном холле, что проглотил слова поздравления и недоверчиво произнес:

— Ты живешь во дворце?

Джерри засмеялся.

— Во дворце живут короли, а это просто дом. Пойдем наверх. Пока не прибыли другие гости, я покажу тебе свою комнату.

Наверх вела устланная коврой дорожкой широкая лестница с перилами орехового дерева и сверкающими медными прутьями. Очутившись в ослепительном диковинном мире, Джек был немного напуган. Столь невиданная роскошь, такие большие размеры его подавляли. Ему казалось, что тут нельзя ни до чего дотрагиваться, и мысль о том, что здесь может быть позволено бегать и играть, казалась ему кощунственной. Конечно, это лучше делать у них дома!

Комната Джерри была просторной, размером с гостиную в доме Агнессы. Там было много удобных, красивых, занимательных вещей.

— Смотри, что мне прислала в подарок Джессика! — сказал Джерри и показал младшему брату два рисунка.

— На одном ты, а на другом... Это мы с тобой, мы вместе!

— Да. Я повешу рисунки на стену.

— Это тебе, — вспомнив о своем подарке, Джек поспешно вручил Джерри сверток и сказал: — С днем рождения!

Развернув бумагу, Джерри увидел гипсовую фигурку: поднявшийся на дыбы конь с развевающейся гривой.

— О! Как здорово! — восхитился мальчик, и в эту минуту в дверь заглянул Орвил.

— Джерри, там подходят твои друзья, — сказал он.

— Хорошо, я сейчас, папа.

Джек, как обычно, замер при виде Орвила и только моргал глазами. Отец Джерри представлялся ему препятствием, которое невозможно преодолеть, чтобы выйти из комнаты. Наконец мальчик нерешительно произнес:

— Здравствуйте, сэр.

С мгновенье Орвил смотрел на ребенка, который не должен был находиться здесь. Потом сказал:

— Здравствуй, Джек. Иди с Джерри.

— Пойдем, — именинник взял брата за руку. — Я познакомлю тебя с ребятами.

К нему пришли школьные друзья и приятели из числа детей, принадлежавших к семьям местного высшего общества. Среди них были и девочки. Тех, по обыкновению, привели их матери. С той поры, как здесь не жила Агнесса, Орвил не устраивал приемов, никого не приглашал, и для дам это был повод проникнуть в дом, понаблюдать за мистером Лембом, что называется, в естественной, привычной для него обстановке, и послушать новости. Пока дети весе-

лились, Орвил был вынужден развлекать женщин, занимать их разговором, что всегда казалось ему сродни изощренной пытке. Сейчас, когда дамы поздравляли Джерри, тот держал за руку Джека. И, конечно, кто-то из них спросил:

— А это что за мальчик?

— Это мой брат.

У женщин немедленно сделалось почти одинаковое выражение лица, какое было бы у людей, которым неожиданно позволили заглянуть в запретную комнату: смесь невольного испуга и затаенного восторга. Все сразу поняли, что это за ребенок, и решили, что им несказанно повезло.

— Вот как! Очень мило.

Когда мальчики направились к собравшимся детям, которые стали наперебой поздравлять Джерри и вручать ему подарки, Орвил пригласил дам в гостиную, куда подадут чай. Женщины, которых было пятеро, с готовностью прошли туда, шурша нарядными платьями, и расселись на стульях вокруг небольшого, уставленного посудой стола. Орвила поздравили с именинником, и он приготовился к вопросам.

— За год Джерри очень подрос, мистер Лемб, и так похож на вас! И внешне, и тем, что хорошо учится. А как дела у вашей дочери?

— Джессика вышла замуж.

Дамы быстро переглянулись.

— Мы ничего не слышали о свадьбе.

— Свадьба была в Париже. Джессика вышла за француза. Я не ездил туда, потому что это слишком долгое путешествие.

— Вероятно, ваша дочь сделала хорошую партию!

— Девушка, которой довелось выйти замуж за того, кого она полюбила, почти всегда делает хорошую партию, — сказал Орвил. — К тому же Джессика рисует, а в Париже для этого больше возможностей.

Дамы снова переглянулись. Потому что молодая, неопытная девушка вполне способна полюбить негодяя или прохвоста, особенно если он из другой, незнакомой страны. Но вслух этого нельзя было говорить.

— Да, это город искусства, город мечты, там такие музеи! Уверены, ваша весьма необычная дочь найдет себя в Париже, мистер Лемб.

Пока беседа текла более-менее гладко, но Орвил знал, что это ненадолго.

— А тот мальчик, которого ваш сын назвал своим братом, теперь живет здесь? — невинно поинтересовалась миссис Клайн, одна из главных светских сплетниц, чей сын Роберт был поклонником Дженнифер Хейфорд.

Орвил прекрасно знал, что этой женщине известна правда. Просто никто из общества ни разу не видел внебрачного ребенка Агнессы, преступно рожденного ею от преступного любовника, хотя, безусловно, жаждал увидеть. Орвил вспомнил день своей свадьбы, когда гости случайно обнаружили в доме Джессику, что положило начало череде бесконечных слухов и сплетен.

— Джек Митчелл живет со своей матерью, — сухо произнес он, и дамы чопорно, сочувственно и понимающе кивнули.

Из столовой доносились веселые детские голоса и смех. Вскоре дети побегут в сад, где на деревьях были развешены цветные фонарики, а ему, Орвилу Лембу, предстоит водить женщин по дому, в сотый раз пересказывая свою родословную. При этом стараясь умолчать о том известном всем факте, что в ней появилась позорная ветвь, которую ему не удалось отрубить даже разводом.

Глава шестая

Орвил чувствовал, что у него начинает болеть голова, и еле дождался момента, когда гости начали расходиться. Развеселившиеся дети не желали уходить, поэтому празднество затянулось. Когда Орвил подошел к комнате сына, Джерри и Джек разбирали подарки. Он услышал, как Джерри спросил:

— Тебе у меня понравилось?

— Да! Очень. Столько места, и у тебя так много друзей. И торт очень вкусный. А какие лошади! Не хуже, чем на конюшне, где работает мой отец.

Орвил закрыл глаза, в которых тоже пульсировала боль. Должно быть, это мигрень. Надо пораньше лечь спать. Он распахнул дверь, и мальчики обернулись.

— О, папа! Смотри, что мне подарили!

— Лучше завтра, Джерри. Я устал. Пусть Джек едет домой.

— Уже поздно. Можно, он останется ночевать?

Оба тут же подумали, насколько это будет необычно и интересно, и с надеждой устали на Орвила. Джек чувствовал себя намного увереннее, чем тогда, когда только переступил порог этого дома. Друзья Джерри приняли его в свой круг без малейших сомнений, потому что Джерри представил им Джека как брата. Дети не задумывались о том, о чем судачили взрослые.

«А этот мальчик, которого ваш сын назвал своим братом, теперь живет здесь?» — Орвил вспомнил вопрос миссис Клайн.

— Нет, нельзя. Его мама будет волноваться, — забывшись, произнес Орвил, и Джерри немедленно отреагировал словами:

— Вообще-то она и моя мама. И мне почему-то тоже нельзя там ночевать, хотя Джессика оставалась.

— Джессика взрослая.

Джерри пожал плечами.

— Какая разница?

— Утром тебе надо в школу.

— Не всегда.

Джек смотрел на Орвила, не отводя глаз, и тот видел, что мальчик ощущает себя под защитой, под защитой старшего брата. «Вот и еще одна стена рухнула», — подумал Орвил, не понимая, испытывает ли он облегчение или досаду.

— Хорошо, Джерри, мы поговорим об этом после.

— Дай нам хотя бы полчаса, папа! — взмолился мальчик. — Мы посмотрели не все подарки.

— Хорошо, полчаса. Потом я зайду.

У Орвила мелькнула мысль постоять за дверями и послушать, о чем станут говорить мальчики, но он отказался от этой затеи. Наверняка это его только расстроит. Он оказался прав.

— Вот бы мама увидела этот дом! — воскликнул Джек, и Джерри нахмурился.

— Когда-то мама жила здесь, только я этого не помню.

— Мама? — недоверчиво произнес Джек. — Откуда ты знаешь?

— Она сама мне сказала, и Джесси подтвердила ее слова.

— А почему теперь не живет?

— Потому что мои папа и мама больше не муж и жена.

Мальчики помолчали. Каждый по-своему обдумывал сказанное.

— А ты бы хотел, чтобы мама жила здесь? — спросил Джек.

— Конечно, хотел. И ты мог бы тут жить.

— Твой отец меня не любит.

— Знаю. Когда я стану старше, то буду поступать так, как нужно мне, а не взрослым, — с непоколебимой уверенностью произнес Джерри, и мальчики продолжили разбирать подарки.

Этот день хотя и укрепил их дружеские отношения, однако породил новые вопросы. Когда спустя какое-то время Джек-младший встретился со своим отцом, он рассказал о дне рождения Джерри, а после восторженно произнес:

— Вот бы ты увидел его дом! Это настоящий дворец! Там есть библиотека, где очень много книг — это понравилось бы Биллу. Рояль, на котором могла бы играть мама, и даже конюшня. Ты когда-нибудь бывал во дворцах?

— Разве я похож на человека, которого пустят во дворец? Хотя особняк, где живет Джерри, я видел. Однажды я был там, только очень давно.

Джек-старший вспомнил тот день, когда он поехал следом за Орвиллом и Агнессой, чтобы увидеть свою дочь. Он обещал Агнессе, что не признается Джессике, но не сдержал слова. Девочка испугалась и не поверила, а потом ему велели убираться из дома. Сказали, конечно, иначе, но смысл был именно таким.

— Ты был у мамы? Тебе там понравилось? — спросил мальчик.

— Не очень.

— Да, там можно заблудиться: слишком много коридоров и комнат.

— Сложно заблудиться в доме, в городе, стране или даже в мире. По-настоящему заблудиться, запутаться можно только в своей жизни. Так что дело не в этом. Просто такое жилье не для меня.

— Почему мой отец — ты, а отец Джерри — тот господин? Как это получилось?

При всем желании на подобные вопросы старший Джек отвечать не умел.

— Господина зовут Орвил Лемб, и он хороший человек.

— Я ему не нравлюсь.

— Потому что ты мой сын. Только поэтому и ни по какой другой причине. Запомни: кто бы и как бы к тебе ни относился, что бы тебе ни говорил, все это только из-за меня, во всем виноват лишь я один.

— Ты хороший! — простодушно произнес мальчик и добавил: — Самый лучший.

— Нет, не лучший. И тем более не самый. Но я рад, что ты так считаешь.

— Джерри сказал, что мама не живет с ними, потому что она больше не жена этого, как... Орвила Лемба. А теперь она чья жена?

Джек положил ладони на плечи своего сына и посмотрел в его доверчивые, зеленые, как у Агнессы, глаза.

— Моя.

Мальчик едва не задохнулся от удивления и счастья.

— О! Тогда живи с нами! Ведь ты уже жил в нашем доме!

— Тогда я болел, и мне была нужна помощь. Сейчас я не могу жить с вами.

— А потом?

— Про «потом» я пока ничего не знаю. Давай лучше договоримся о том, что теперь ты будешь ездить верхом там, где просторнее. Будем выезжать вон туда! — Джек показал на большое пространство, простиравшееся до самого леса.

— Конечно, как скажешь.

Возвратившись домой, мальчик немедленно побежал к матери. Агнесса сидела на кухне за чашкой чая и обсуждала с Терри проблему доходов и расходов. По мнению Агнессы, ее жалованья и тех денег, которые она скрепя сердце брала у старшего Джека, должно хватить пусть на очень скромное существование. Женщину беспокоило только, что Билл наотрез отказался от платы за обучение ее сына, сказав, что ему будет вполне достаточно пропитания. «Вот если вам удастся продать дом, тогда другое дело» — такими были его слова.

Оказавшись на кухне, Джек-младший тут же выложил свои новости.

— Почему ты не говорила, что ты его жена? — укоризненно произнес мальчик, при этом его глаза сияли от восторга.

Его мать замерла в замешательстве, а Терри в сердцах стукнула по столу поварешкой.

— Потом поговорим, — уклончиво промолвила Агнесса. — Подожди, я сейчас занята.

Еле выпроводив сына из кухни, она посмотрела на Терри, и та сказала:

— А что вы хотели, барышня? Кашу, которую вы заварили, не расхлебать никакой ложкой!

— Я убью Джека.

Терри покачала головой.

— Вы не смогли убить его даже здесь, — сказала она и показала на свое сердце.

Орвилу в ночь после дня рождения Джерри впервые за долго время приснилась Агнесса, и этот сон был навеян тем, что он представлял в реальности. Агнесса стояла по пояс в грязной жиже, в каком-то болоте и молча смотрела на него. Она ничего не говорила, не просила о помощи, она просто ждала. Ее лицо было испачкано и платье тоже. Орвил протянул ей руку, желая вытащить, вытянуть на твердую землю, но она не сдвинулась с места. Тогда он повернулся и ушел, не оглядываясь, и даже во сне его терзали и душили непонимание и обида.

Когда он проснулся, почему-то вспомнил о мисс Кармайкл, женщине, которая заверяла Орвила, что у Джессики есть талант. Ему нравилась эта простая, милая, спокойная женщина, учительница рисования, но тогда он не был готов завязать новые отношения, а потом она куда-то уехала. Орвил вздохнул: все в этой жизни надо делать вовремя. Ему не повезло с Гейл Миллер. Но, возможно, найдется кто-то еще? Хотя он понимал, что боится рисковать. Это Агнесса ничего не боялась, и Джессика тоже. Сейчас Орвил и сам толком не знал, чего хочет и кто ему нужен. В его душе и мыслях была пустота.

Глава седьмая

Вернувшись в город, где она надеялась встретить удачу и где ее жестоко оскорбили, Гейл рискнула заехать к Саманте Неппер. Миссис Миллер было неприятно осознавать, что супруга губернатора явилась свидетельницей ее позора, она не знала, как избежать опасных распрасов, но ей необходимо было услышать последние новости. Гейл пока не придумала конкретного плана, она лишь выбрала жертву, и этой жертвой была Агнесса Митчелл. Не только потому, что унизила ее сильнее всех, а потому что, нанеся удар по Агнессе, она, Гейл, заденет и всех остальных: Орвила, Джека, детей. Незачем расстреливать эту ненавистную ей компанию поодиночке. Куда проще уничтожить ту, которая так или иначе нужна каждому из них.

Как и следовало ожидать, супруга губернатора держалась настороженно и холодно. Хотя ей не удалось найти подтверждений тому, что Агнесса сказала на балу, ее доверие к миссис Миллер основательно пошатнулось. И все-таки, согласно этикету, она предложила гостье чай и приняла участие в разговоре. В числе многих светских сплетен миссис Неппер сообщила Гейл, что Джессика Лемб вышла замуж за француза, бракосочетание состоялось в Париже, но Орвил туда не ездил. На дне рождения Джеральда Лемба дамы из общества видели внебрачного сына Агнессы. В жизни Орвила, судя по всему, ничего не изменилось, кроме того, что он, вероятно, принял и этого побочного ребенка своей бывшей жены, если позволил ему побывать на именинах своего сына. Миссис Неппер пожала плечами: непонятный, закрытый, непредсказуемый человек. Она была о нем лучшего мнения. Со дня последнего губернаторского приема (Гейл нервно поморщилась) Агнессу никто не видел: наверное, как и прежде, сидит в своем доме и никуда не выезжает.

Понимая, что отныне она здесь не столь желанная гостья, как прежде, Гейл вскоре простилась, тем более миссис Неппер не предложила ей пожить в ее доме. Задетая этим, но не подавшая виду, миссис Миллер обмолвилась, что приехала всего на пару дней и намерена вернуться домой.

Между тем она вовсе не собиралась возвращаться в свой город, а поселилась в отеле, где сняла номер под чужим именем, и наняла сыщика. Неделью спустя он узнал обо всем, что ей было нужно. Орвил вел прежнюю жизнь, а вот Агнесса (сыщику без труда удалось разведать, где она живет) почти каждый день уезжала рано утром и возвращалась вечером. Оказалось, она работает в городе у неких Стоверов горничной. (Изумлению Гейл не было предела, она не могла понять, как Орвил это допустил.) Это люди обычного происхождения, не вхожие в высшее общество, но со средствами. Сыщик дал Гейл их адрес. Однажды Агнесса осталась дома (где по-прежнему жили Терри, Билл и мальчик), а потом куда-то пошла и встретилась со светловолосым мужчиной лет сорока, который приехал верхом на лошади. Судя по одежде, да и вообще, этот человек не мог принадлежать к светским кругам. Они уединились в небольшой гостинице в паре кварталов от дома мисс Митчелл, и что там делали — неизвестно. (Гейл издевательски расхохоталась: получай, Орвил Лемб! Тебе с твоими несметными богатствами вновь предпочли нищего оборванца!) Миссис Миллер поблагодарила сыщика, щедро заплатила и отправила его восвояси, решив, что дальше справится сама. К тому же ее ни в коем случае не устраивали лишние свидетели. У нее не было определенного плана, она знала только свою цель.

В конце осени погода, по обыкновению, часто и быстро менялась, пригородные сады опустели, случалось, ветер целыми днями рвал и трепал деревья, из низких хмурых туч лил холодный дождь. Вода в озерах казалась ледяной и тяжелой, а птицы с печальными криками улетали в безвозвратные дали. Но сегодня дождь не шел, небо было покрыто серебристыми облаками, напоминавшими рыбью чешую, а в полдень на улице и вовсе распогодилось: воздух сделался чист и ясен, солнечный свет ослепительно сверкал меж яркой листвы.

После обеда Агнесса отпросилась у миссис Стовер: она собиралась прогуляться с Джерри и, быть может, зайти с ним в кафе. Она договорилась с хозяевами, что по средам будет работать только полдня. Потом она встречала Джерри у школы, и они куда-нибудь шли. В последнее время Орвил дал сыну и бывшей жене больше свободы в общении. Единственным условием было то, чтобы мальчик не виделся и не общался с Джеком-старшим. Он сказал это не лично Агнессе, а передал ей через Джерри.

Как-то раз Агнесса, Билл, Терри и дети устроили в саду что-то вроде пикника. Сухих сучьев было навалом, так что они без труда развели костер и зажарили на решетке куски шипящего мяса. Там же на огне вскипятили воду, заварили чай, и Джерри утверждал, что никогда не пил такого вкусного чая. А еще Терри сварила кукурузу, нарезала овощи и зелень, испекла хлеб. И взрослые, и дети наелись до отвала. Потом мальчики подожгли палки и бегали с этими факелами по саду, пока Агнесса их не остановила. Все пятеро долго сидели в саду, любуясь причудливым сочетанием осенних красок, наслаждаясь ощущением спокойного, тихого, глубокого счастья. Казалось, в это время такое чувство способно посетить любого, даже не обладающего тонким восприятием человека.

Агнесса говорила себе, что эта осень, несмотря на частую непогоду, выдалась благодатной. Она получила письмо от Джессики, полное восторга и счастья. Париж прекрасен, с Полем у них все замечательно, они буквально купаются в любви. У них теперь своя студия, где можно жить и работать, они приглашают друзей и почти каждый день рисуют в квартале художников на Монмартре. А в студии есть рояль, так что она может еще и играть. Поль учит английский язык. Агнесса мысленно поблагодарила Орвила, щедрость которого избавила молодых от жизненных тягот. «Вот и думай после этого, что деньги не имеют значения», — сказала она себе. Хотя Джессика и Поль и играли в честных тружеников, на самом деле жили не на свои средства.

Агнессе нравилось работать, нравилось ощущать себя самостоятельной и свободной. Она была аккуратной, трудолюбивой, ответственной, сдержанной. Стоверы были довольные ею. Когда денег все-таки не хватало, она потихоньку брала из своих сбережений и надеялась протянуть так достаточно долго. Вместе с тем Агнесса надеялась, что рано или поздно кто-нибудь заинтересуется покупкой калифорнийского особняка. Тогда она могла бы уйти от Стоверов и посвятить себя детям, с которыми приходилось видеться намного реже. Особенно с Джерри, потому что Орвил предпочитал не отправлять его к матери по вечерам. Оставались выходные, но существовал еще и Джек-старший, которому тоже хотелось ее внимания. Он очень изменился и уверял, что прекрасно себя чувствует. Хотя он не заговаривал об их совместном будущем, Агнесса понимала, что он полон надежд. А Орвил не приезжал, не задавал никаких вопросов, и Агнесса не знала, что происходит в его жизни, что у него на уме и что... в сердце.

Она не стала подходить прямо к школе, а поджидала Джерри неподалеку. Простившись с друзьями, он издали помахал матери и быстро приблизился к ней. В глубине его карих, напоминающих каштаны, глаз сверкали золотистые искорки. Агнесса подумала, что он славный, красивый и умный мальчик с ровным характером и добрым сердцем. Его натуре, как и натуре Орвила, было присуще врожденное благородство. Притом, что едва ли он вырастет неисправимым романтиком.

Они пошли по улице мимо убегающей вдаль вереницы домов. Джерри рассказывал о школе, об одноклассниках, учителях, и женщина с удовольствием слушала. Агнесса ценила каждую минуту, проведенную со старшим сыном. Этой осенью ей часто чудилось, что впереди ее ждет что-то светлое. Неумолимая тяжесть дней, цепь событий, сделавших ее такой, какова она есть, остались позади. Иногда Агнессе казалось, что она испытала столько, что хватит на всю оставшуюся жизнь. Она вспоминала слова Терри: «Я подумала, пусть тот, в чьей жизни было немало плохих дней, увидит хотя бы немного хороших». Но в ее жизни счастливых дней тоже было достаточно много. И они еще обязательно будут: хватит напрасно надеяться и бесплодно страдать. Что-то все же осталось в ней от давней юной Агнессы, уверенной в своем

счастье, поглощенной своими мечтами, которые казались одновременно и пугающими, и восторженными.

Она не знала, что за ней, как и несколько предыдущих дней, следит Гейл. Миссис Миллер (в отеле она записалась под именем миссис Годдар) нанимала экипаж и велела кучеру следовать за Агнессой. Она не собиралась расправляться с ней самостоятельно, а хотела кого-то нанять, но сейчас вдруг почувствовала, что ей изменяет выдержка. Сколько бы она ни наблюдала за Агнессой, в лице той не было ни горечи, ни усталости, ни боли, а всего лишь некая странная, необъяснимая безмятежность. И это сводило с ума. В какой-то миг Гейл охватила безудержная ярость, и она поняла, что должна сделать. Если все сойдет удачно и ей повезет, будет не о чем беспокоиться.

— Вы можете отдать мне вожжи и позволить править экипажем? Совсем немного. Когда-то я умела это делать, хочу вспомнить, — обратилась Гейл к кучеру.

Ее очаровательная улыбка и лукавый взгляд не возымели действия. Кучер сказал:

— Нет, не положено, мэм.

Гейл знала, что на свете не существует почти ничего, чего нельзя было бы устроить и добиться с помощью денег. Она протянула кучеру две крупные купюры.

— Пожалуйста!

На улице было мало людей, и кучер, немного поколебавшись, сдался. Гейл села рядом с ним и взяла вожжи. Экипаж тронулся: она ехала медленно и довольно уверенно правила. Она знала, в какое платье и в какого цвета жакет одета Агнесса, и заметила ее издалека. Женщина и мальчик, сын Орвила, намеревались переходить дорогу. Внезапно Гейл с силой вырвала кнут из рук оторопевшего кучера и так поддала ему ногой, что мужчина едва ли не кубарем свалился с козел. Гейл огрела коней кнутом, и они понеслись прямо на Агнессу и Джерри.

Стараясь выглядеть неприметно, Гейл надела темное платье и шляпу с вуалью, но все же ее можно было узнать, и на какие-то доли секунды жертва увидела ее лицо, искаженное местью лицо фурии. В следующий миг Агнесса что есть силы толкнула Джерри на тротуар, но сама не успела отскочить и угодила под копыта. Если бы экипаж не занесло, ее переехали бы колеса.

Проехав еще немного, Гейл остановила лошадей, спрыгнула с козел, побежала вперед, потом свернула и скрылась в переулке. Агнесса распласталась на камнях. Ее глаза были закрыты, по мостовой медленно растекалась кровь. Она почувствовала сильный удар в грудь, потом ее швырнуло наземь. И все померкло.

— Мама! Мама! — пронзительно кричал Джерри.

Сбегались люди. Кто-то говорил, что надо найти врача и отвезти женщину в больницу, другие — что нужно позвать полицию. Никто не осмеливался дотронуться до пострадавшей, все только надеялись, что она осталась жива.

Глава восьмая

Джерри стоял возле неподвижного тела матери и плакал навзрыд. Толпа расступилась — подошел полицейский, и тут же подбежал кучер.

— Это не я, это та сумасшедшая женщина! — запричитал он. — Она вырвала вожжи из моих рук, столкнула меня с козел и понеслась, как одержимая. Наверное, она хотела задавить эту даму.

— Сейчас отвезем ее в больницу, — сказал полицейский и обратился к мальчику: — Это твоя мать? Как ее зовут?

— Да, это моя мама, Агнесса Митчелл.

— А ты?

— Джеральд Лемб. Она... она не умрет?!

— Будем надеяться. Она дышит, но без сознания, — сказал полицейский и повернулся к собравшимся: — Нужно поднять ее, только осторожно. Возможно, есть серьезные повреждения и переломы.

Вместе с двумя мужчинами он перенес Агнессу в экипаж. Подошел еще один полицейский, и первый велел ему остаться с мальчиком и расспросить его.

— Отправляйся домой, сынок, и сообщи своим родным о том, что случилось, — сказал он, предупреждая попытки Джерри поехать с матерью. — Как зовут твоего отца?

— Орвил Лемб, — ответил мальчик. Он весь дрожал.

— Знакомое имя, — сказал полицейский своему сослуживцу. — Кажется, один из влиятельных и состоятельных джентльменов. А женщина, наверное, его жена.

— По-видимому, так.

Когда Агнессу увезли, люди начали расходиться, попутно обсуждая происшествие. На мостовой осталось зловещее кровавое пятно.

Полицейский повел оцепеневшего Джерри домой, благо это было недалеко. По дороге он расспрашивал мальчика о случившемся, но тот мало что мог сказать. Он толком не успел ничего увидеть и запомнить. В особняке Джерри провел полицейского в кабинет своего отца. Увидев сына с представителем власти, Орвил поднялся из-за стола, и мальчик тут же кинулся к нему в объятия.

— Папа! Маму сбил экипаж! Говорят, это сделала какая-то женщина, но я не успел заметить. Там кровь! Маму увезли в больницу! — Его сбивчивая речь перемежалась бурными слезами.

Прижав к себе сына, Орвил гладил его по голове.

— Простите, сэр, — сказал полицейский, — полагаю, положение серьезное. Вам лучше поехать в больницу.

— Конечно. Она жива?

— Когда вашу жену увозили, она была жива.

— Куда ее повезли?

Полицейский сказал.

— А я? — спросил Джерри.

— Оставайся дома. Тебе нельзя туда ехать.

— Можно Тео отвезет меня в дом мамы? Я хочу побыть с Терри, Биллом и Джеком.

Орвил на мгновение задумался.

— Нет. Пока что не надо их волновать. Будь мужественным, Джерри. Пожалуйста, потерпи. Надеюсь, все будет хорошо. Потерпишь?

Мальчик кивнул. Орвил позвонил, вызывая слуг, потом спустился следом за полицейским. Его, как и Джерри, пробирала дрожь волнения и страха, леденящая тело и душу. Он

чувствовал, что теряет самообладание. А если Агнесса умрет?! Орвил старался отогнать предательские мысли, но ему это плохо удавалось. Человека всегда настигает то, чего он меньше всего ждет. В больнице Орвилу сказали, что Агнесса жива, но лежит без сознания. Пока сложно определить характер и размеры повреждений, но определенно есть ушибы, а возможно, и переломы. Орвил тут же подумал: очнется ли Агнесса вообще? Он слышал, что крайне плохо, если человек долго не приходит в себя.

— Поезжайте домой, мистер Лемб, — мягко произнес врач. — Если вашей жене станет лучше или хуже, мы вас известим.

— Нет, я побуду здесь, — сказал Орвил, а потом вспомнил о тех, кто станет волноваться, если Агнесса вовремя не вернется домой. И все же в запасе у него было несколько часов.

Он провел их в коридоре, неподвижно сидя на стуле. Когда в больницу пришли полицейские, Орвилу пришлось признаться, что Агнесса — его *бывшая* жена. Кучера задержали, но он упрямо твердил о какой-то женщине. Орвил сразу решил, что все это не случайно, а незнакомка, скорее всего, Гейл Миллер. Такое могло прийти в голову только ей. Сделав мишенью и жертвой Агнессу, она наносила удар и по другим людям. По-настоящему уязвить человека можно, лишь причинив непоправимое зло тому, кто ему близок и дорог. Орвил сообщил полиции, кого подозревает в преступлении, и они все записали. Он был значительным человеком, и у представителей закона не было оснований ему не верить. А кучера можно призвать в свидетели. Когда стало темнеть, Орвил собрался с силами и покинул больницу. Он пришлет сюда Френсин, а сам должен заехать в дом Агнессы и известить о случившемся Терри и Билла. И, к большому несчастью, маленького Джека. От него все равно ничего не удастся скрыть.

Как и предполагалось, обитатели дома были сильно обеспокоены. Когда Орвил сообщил о том, что произошло, Билл смертельно побледнел, а Терри чуть не лишилась дара речи. С младшим сыном Агнессы случилась истерика, он, как и Джерри, заплакал навзрыд. Все это было настолько тяжело, что Орвил не знал, что сказать и что сделать. Он велел им пока оставаться дома, пообещав, если в состоянии Агнессы будут какие-то перемены, сообщить об этом через кого-то из своих людей.

Вернувшись домой, Орвил кое-как успокоил Джерри, взял его спать в свою комнату, уложил на кровать, а сам провел ночь в кресле без сна. Мимолетные образы прошлого проносились в его голове, чувства раздирали душу. Орвилу казалось, что он близок к моральному истощению. Наедине с собой он мог дать волю чему угодно, но не давал. Его считали искренним человеком, таким он и был, но... не всегда. И не для самого себя. Оболочка, другая и еще одна внутри. И где-то в глубине сердце, бьющееся, как птица в клетке.

«Все мы приходим в мир со своей, данной от века судьбой. И нам некого в этом винить», — сказал себе Орвил, выходя из дома ранним утром. Он пошел пешком, без зонта, несмотря на холодный дождь, чьи капли, словно иглы, вонзались в лицо. Орвил шел, не видя ничего вокруг, только слыша раздражающие, резкие, точно выстрелы, звуки. Двигался, прокладывая себе дорогу сквозь страх, отчаяние, неизвестность. В больничном коридоре Френсин, увидев его, поднялась со стула.

— Мистер Лемб! Мисс Митчелл пришла в себя!

Услышав это, Орвил почувствовал, как внутри словно разжались невидимые тиски.

— Давно?

— Несколько часов назад. Я знала, что вы придете, поэтому решила подождать.

— Хорошо, Френсин, спасибо. Идите домой, отдыхайте. Где врач?

— Сейчас он подойдет.

Доктор действительно подошел. Его звали Ричард Бирс, он был главным врачом этой больницы.

— Мистер Лемб, мисс Митчелл очнулась.

— Как она?

— Похоже, у нее сотрясение мозга, сломаны ребра, множество ушибов и ссадин. Хуже, если есть серьезные повреждения внутренних органов, но об этом я пока не могу сказать ничего определенного.

Орвил вытащил бумажник.

— Прошу вас! Любые лекарства, все что угодно!

Врач бросил взгляд на деньги, потом посмотрел на Орвила.

— Мы сразу поместили мисс Митчелл в отдельную палату и сделаем все возможное. По большому счету, деньги тут не помогут, мистер Лемб.

— А что поможет?

Доктор Бирс молчал, и в этом молчании Орвил не уловил ничего хорошего.

— И все же возьмите. Она... может выздороветь?

— Чудо, что она вообще осталась жива. Первые несколько суток покажут, насколько все сложно.

— Я могу с ней поговорить?

— Только очень недолго. Приходила полиция, но пока что я их к ней не пустил.

Орвил с замирающим сердцем вошел в палату, и Агнесса увидела его в ореоле света, льющегося в дверной проем, а он увидел ее. Бледное лицо, тусклые глаза. На голове белела повязка, тело было укрыто одеялом. Лежащие поверх него руки казались восковыми, как у покойницы.

— Агнесса! Мне так жаль!

— Орвил... — Ее голос был слаб и тонок.

— Ты можешь говорить?

— Мне тяжело дышать, но... могу. Немного...

— Конечно. Как ты? Тебе больно?

— Нет. Мне дали лекарства. Что с Джерри?!

— С ним все в порядке, он дома. Ты успела его оттолкнуть, и на нем нет ни царапины. Вчера я ездил к тебе домой, все рассказал Терри и Биллу. Они волнуются за тебя.

— Скажи Джеку.

— Твой сын знает. Думаю, домочадцы сумеют его успокоить. И я, наверное, отвезу туда Джерри, пусть мальчики побудут вместе. Сегодня я не отправил Джерри в школу.

— Другому... Джеку.

Орвил вздрогнул.

— Ты хочешь его видеть?

— Да.

Хотя Орвила несколько покорила ее просьба, он сказал:

— Сейчас я съезжу за ним.

— Орвил... Я очень хотела, чтобы ты... меня простил. Я ждала... Ты прекрасный человек, а я... не оправдала твоих ожиданий. То письмо... Я так и не поняла, зачем ты его написал.

— Я написал его, чтобы сказать, что ты мне дорога, что я помню все, что между нами было. Что связывает меня с тобой. Я напрасно не сделал это простыми словами. Поверь, Агнесса, я ни на что не обижаюсь и ни на что не сержусь. Главное, чтобы ты выздоровела. — Его голос звучал участливо, взволнованно, мягко. — Она закрыла глаза, и Орвил судорожно вздохнул. Потом задал вопрос: — Это была Гейл Миллер?

— Она.

— Я сообщил полиции о том, кого подозреваю. Но твои показания самые важные.

— Думаю, я успею сказать. Только... не пиши об этом Джессике. Ее незачем волновать.

— Пока не буду.

В этот миг в палату заглянул врач и жестами попросил Орвила выйти. Тот вышел, обмятый смятенными чувствами. Он понимал, что все плохо. А теперь ему придется еще и уви-

даться с Джеком. Орвил взял экипаж и поехал на конюшню. К счастью, ему не пришлось разыскивать Джека, он почти сразу его заметил и подошел. В Джеке что-то сильно изменилось, но Орвил не мог понять, что именно. Было видно, что он чувствует себя здесь как рыба в воде. Орвил окликнул его, тот повернулся и уставился во все глаза.

— Что тебе надо? — Его тон был привычно настороженным, отчужденным.

— С Агнессой случилось несчастье, она попала под колеса экипажа.

Джек отшатнулся.

— Она жива?!

— Да, она в больнице.

— Подожди, я возьму лошадь. Ты в седле?

— В экипаже.

— Я поеду следом.

Глава девятая

Пока Орвил и Джек поднимались по больничному крыльцу и шли по коридору, Орвил коротко рассказал, как все произошло. Джек не успел ответить — они подошли к палате и столкнулись с выходящим оттуда врачом.

— Мистер Бирс, мисс Митчелл хотела видеть этого человека, — сказал Орвил.

Доктор недовольно покачал головой.

— Только на пару минут. Я дал ей лекарства, она должна отдыхать.

Джек вошел в палату, Орвил остался в коридоре. Когда дверь открылась, Агнесса повернула голову.

— Джек...

Он опустился на колени перед ее постелью.

— Агнес!

— Ни о чем не спрашивай, Орвил тебе все расскажет. Позаботься о сыне.

— Я позабочусь, но...

— Подожди, — перебила она. — Ты много раз выживал, когда... не должен был выжить. Научи меня этому.

Джек сжал ее руку.

— Я всю жизнь ходил по краю. И ты... Ты не умрешь, Агнес! Собери все свои силы, сопротивляйся, как только можешь! Я делал это даже тогда, когда был никому не нужен. А ты нужна очень многим людям.

Агнесса закрыла глаза.

— Да! Да...

В палату заглянул врач.

— Все, все. Уходите.

Джек выпустил руку Агнессы и поднялся на ноги.

— Я приду, — пообещал он.

Агнесса ничего не ответила и только смотрела ему вслед. Когда Джек очутился в коридоре, Орвил сказал:

— Подожди меня внизу, мне надо поговорить с врачом.

Разговор не принес ему ничего нового, и он продолжал думать о том, что случившееся — худшее наказание из всех возможных для тех, кого оно способно задеть. Выйдя из здания, Орвил увидел, что Джек сидит на ступеньках высокого больничного крыльца. Когда он повернулся, Орвилу показалось, что блеск его глаз исходит откуда-то из глубины, и в них словно застыло битое стекло. И секунду спустя понял, что это слезы. «Истинная сущность мужчины проявляется в любви к женщине, — подумал он. — Да, наверное, только так». Орвил сел рядом.

— Ты говорил, что видел много смертей. Бывают какие-то признаки?

— Да, но не всегда. У Агнес я их не заметил.

— Она говорила со мной так, будто прощалась.

— И со мной. Но я не уверен, что люди предчувствуют свою смерть. Это просто страх. Они помолчали.

— Что ты будешь делать? — спросил Джек.

— Сейчас? Ничего. К Агнесе пока не пустят, и незачем ее утомлять. Поеду домой.

— А Гейл?

— Что Гейл? Полиция знает, кто это сделал. Ее будут искать и задержат.

Джек вскочил.

— Ты спятил, Орвил?! Черта с два будет толку от полиции! Хочешь, чтобы эта гадина успела сбежать?! Как угодно, но я поеду по отелям. Как думаешь, где она могла остановиться?

Орвил решил, что едва ли Гейл застрянет в городе, разве что захочет узнать, какими успехами увенчалась ее затея. Вряд ли она остановилась в роскошном отеле или в бедной гостинице. Скорее, выбрала что-то среднее. И наверняка записалась под чужим именем.

— Ты... тебя... Поехали вместе. Только заедем ко мне, я переоденусь и тоже возьму лошадь.

Джек кивнул. Орвил справился быстро, и когда они поехали по улице, его спутник спросил:

— У тебя есть оружие? Я не захватил. На конюшне нельзя ходить с револьвером.

— Я тоже не взял. Гейл — женщина, вряд ли дело дойдет до перестрелки.

— Когда дело касается такой, как она, все возможно.

В двух отелях, где Орвил описал внешность Гейл Миллер, ему сказали, что эта дама тут не останавливалась. В третьем ему повезло.

— Да, сэр, есть похожая женщина, миссис Годдар. Она поселилась в четырнадцатом номере, это на первом этаже. Кстати, сейчас она у себя.

Джек взвился.

— Пойдем туда!

Орвил посмотрел на него: смесь возбуждения и отчаяния. Натолкнувшись на его взгляд, можно было в испуге отпрянуть. Орвил боялся, что Джек выйдет из себя и, как говорится, наломает дров. Он отвел его в сторону.

— Давай пойду я и попробую с ней поговорить.

— О чем с ней говорить!

Орвил выставил ладони вперед.

— Подожди, пока не вмешивайся в это. Прошу, постой здесь, — как можно спокойнее произнес он и, преодолев себя, добавил: — У меня все же были с ней близкие отношения.

— Вспомни, чем они закончились.

— Джек, не надо, я знаю, что говорю. Все-таки это отель. Нужно постараться сделать все по-тихому.

Орвил что-то еще объяснял, проявляя чудеса дипломатии. Наконец Джек сдался.

— Хорошо, иди. Я подожду здесь.

— Я пройду к миссис Годдар? Мне нужно переговорить с ней по крайне важному делу, — обратился Орвил к портье.

— Может, сперва пошлете ей карточку, сэр?

Вместо карточки Орвил положил на конторку несколько купюр, и портье, чуть поколебавшись, кивнул. Благодаря своей внешности, манерам, деньгам мистер Лемб имел пропуск почти везде. Он пошел по коридору, отыскивая нужную дверь. Находясь в номере, Гейл запиралась на ключ, но сейчас как раз собиралась выходить. Увидев ее, Орвил подбежал, быстро втолкнул ее обратно и успел заскочить сам.

— Я знаю, что это сделала ты! На что ты рассчитывала? Что никто ни о чем не догадается? Что тебя не найдут?

Он увидел по ее лицу, что она ни о чем не думала и ни на что не рассчитывала. Она хотела отомстить любой ценой, а там будь что будет. Гейл отошла к окну, потом повернулась.

— Агнесса жива, — сказал Орвил. — Полиция все знает.

— Если и жива, то это ненадолго. Пусть подольше помучается, тем лучше. А на полицию мне наплевать, — ответила Гейл. Ее голос звучал на удивление спокойно.

Орвил молчал, не понимая, как мог быть с этой женщиной в постели, как она могла ему нравиться?

— Что ты так носишься с Агнессой? — продолжила Гейл. — Я следила за ней. Она и Джек снимали комнату в маленькой гостинице недалеко от ее дома и уединялись там. Интересно, чем они занимались? Я догадываюсь, а ты?

— Агнесса свободная женщина, она вольна делать, что хочет.

— Какое поразительное великодушие! Только ты лжешь. Ты яркий пример собаки на сене, Орвил. Но пока ты ходишь вокруг да около и водишь носом, Джек, едва появившись, спокойно получает доступ к телу. А теперь стой, где стоишь, иначе не выйдешь из этой комнаты.

С этими словами Гейл вскинула руку, и Орвил увидел небольшой пистолет. «Джек был прав», — промелькнула мысль. Но заряжено ли оружие? Другой рукой Гейл подняла с пола саквояж и поставила его на подоконник. Потом взялась за шпингалет. Орвил вспомнил, что они находятся на первом этаже.

— Сейчас я вылезу в окно, а ты оставайся здесь. Последуешь за мной, окажешься трупом. Я хорошо стреляю, научилась на золотом приiske. Спроси у Джека, мы там с ним развлекались — палили по бутылкам.

Орвил сделал шаг: он не верил, что Гейл способна выстрелить. И ошибся. Он почувствовал сильный толчок в предплечье. В первый момент боли не было, только что-то сильно обожгло внутри. Он отшатнулся, но не упал. То ли Гейл промахнулась, то ли Орвил инстинктивно дернулся, но едва ли ранение было серьезным. Возможно, она просто хотела его остановить, дать понять, что вполне может его застрелить?

— Понял? Дай мне уйти! — словно в доказательство его мыслей произнесла Гейл. — Сделаешь еще шаг, в тебе будет много дырок.

— Тем, что ты в меня выстрелила, ты сделала только хуже себе, Гейл.

— А ты еще докажи, что это была я!

Джек стоял возле конторки портье, и тот с беспокойством поглядывал на него. Портье ощутил запоздалое раскаяние из-за того, что позволил другому мужчине пройти дальше. Вдруг это приведет к неприятностям? А теперь и этот, похожий на сжатую пружину и с пугающим взглядом, вдруг сорвался с места и, не обращая внимания на окрики, скрылся за поворотом. Портье хотел вызывать охрану, но его смущал первый, на вид такой порядочный и приличный джентльмен. К тому же он дал много денег... Портье решил немного подождать и самому проверить, не случилось ли чего дурного.

Глава десятая

Джек не знал, почему направился к номеру, его словно что-то толкнуло. Выстрел он услышал, когда был в коридоре. Рывком распахнув дверь, он увидел Гейл с пистолетом в руках, тут же бросился к ней и выбил оружие. Она не ожидала, что Орвил пришел не один, и не успела ничего предпринять. Джек схватил ее, но она так отчаянно вырывалась, извивалась, царапалась и кусалась, что он не сразу сумел с ней справиться. И все же, объятый яростью, отчего удвоились силы, он повалил ее, встал ей коленом на грудь, придавив к полу. Одной рукой сжал запястья Гейл, а другой отвесил ей такую пощечину, что она вскрикнула. Джек быстро оглянулся на Орвила, который стоял, схватившись за предплечье, чувствуя, как под тканью одежды расплывается горячая липкая кровь.

— Сильно она тебя задела?

— Думаю, не очень.

— Вот дрянь! — сказал Джек. Взял Гейл за волосы, приподнял ее голову и с силой ударил об пол.

— А-а! Отпусти меня, скотина! Мне больно!

— А Агнес не было больно?!

Он вновь размахнулся, и Орвил воскликнул:

— Оставь ее! Ты ее убьешь! В тюрьму захотел?!

Опомнившись, Джек отпустил Гейл и подхватил с пола ее пистолет.

— Сдвинешься с места, застрелю!

В дверном проеме появилась голова портье. Его глаза округлились, он с ужасом смотрел на разыгравшуюся сцену. Позади стояли, пытаясь заглянуть внутрь, несколько постояльцев отеля. Отстранив их, в номер вошел неизвестно откуда возникший охранник.

— Сроду такого не было, — словно оправдываясь, произнес он.

— Здесь есть врач? — спросил Джек.

— Есть.

— Зовите! И отправьте кого-нибудь за полицией. Тут человека ранили.

Охранник кивнул портье, и тот мигом скрылся. Гейл истерически расхохоталась.

— Да, пригласите полицию! Знатный будет улов!

Джек посмотрел на Орвила, и тот сказал:

— Не беспокойся, я тебя прикрою.

— Покажи, куда она тебя.

Стягивая рукав, Орвил поморщился от боли, и у Джека мелькнула мысль, что он понятия не имеет, что такое огнестрельное ранение, с ним никогда такого не случалось. И вспомнил, сколько подобных шрамов было на нем самом.

— Похоже, ничего опасного, но в больницу надо, — заключил Джек, бегло осмотрев его рану.

Это подтвердил врач, который служил при отеле. Он не стал вытаскивать пулю, только сделал Орвилу перевязку. Раненому принесли воды и принялись ждать представителей закона. Гейл позволили сесть, и она молча смотрела на мужчин с холодным презрением и бессильной злобой. Двое полицейских прибыли через полчаса. Орвил коротко, ясно и четко изложил суть дела, и они записали его показания. Поскольку им было известно, кто такой мистер Лемб, они отнеслись к нему со всем уважением и доверием.

— А вы кто? — спросили они у Джека, когда он передал им пистолет.

— Это и есть настоящий преступник! — подала голос Гейл. — Он сбежал из тюрьмы, и его до сих пор не могут поймать!

Джек молчал, у него было застывшее каменное лицо.

— Преступница здесь только эта женщина, миссис Миллер, которая вчера намеренно нанесла травмы мисс Митчелл, а сегодня едва не застрелила меня. Что касается этого человека, он работал в моем доме. Я собирал сведения о нем и совершенно точно знаю, что он честен и чист перед законом. Если бы не он, я бы не стоял сейчас перед вами, а был убит, — спокойно и веско произнес Орвил.

— Конечно, мистер Лемб.

— Если позволите, завтра мы вместе приедем в участок и дадим письменные показания. Сейчас я должен ехать в больницу, я плохо себя чувствую. Он меня проводит.

— Хорошо, мистер Лемб, вы свободны.

— А миссис Миллер?

— Она задержана и поедет с нами. Вы, — полицейский обратился к Джеку, — назовите свою фамилию и имя.

Тот сказал. Когда они вышли, Орвил спросил:

— Тернер. Кто это?

— Был в моей жизни такой человек. Я привык называться его фамилией.

— Я сделаю тебе паспорт.

— Я всегда жил без документов.

— Теперь они могут понадобиться.

— Пойдешь против закона? — с усмешкой поинтересовался Джек.

— К сожалению, тот, кто полностью соблюдает правила и чтит законы, порой проигрывает. А бесчестье никогда не заденет тех, кому оно присуще от века. Таких, как Гейл.

— Не надо было тебе идти к ней одному. Ты слишком мягко себя повел.

— Я никогда бы не смог ударить женщину, — не удержался Орвил.

— Ее и убить было мало, — сказал Джек и заметил: — Боюсь, она легко отделается, потому что у нее много денег.

— Не отделается. У меня тоже много денег. И связей.

— Перед тобой открыты все двери.

— Как оказалось, не все. Многим деньги дают ощущение, что все в этом мире только для них. Но это иллюзия. Иллюзия успеха и счастья без настоящего успеха и счастья, — сказал Орвил.

— По-моему, ты никогда не прятался за свои деньги, не использовал их во зло и не кичился ими.

— Надеюсь, что так. Я найму экипаж, а ты возьми с собой мою лошадь. Поедем в больницу.

— Хорошо.

В состоянии Агнессы не произошло изменений: она спала. Пока врачи возились с Орвиллом, оказывая ему необходимую помощь, Джек ждал во дворе с лошадьми. Злоба схлынула, как волны прилива, и он ощущал себя таким опустошенным, словно его душуосушили до дна, а из сердца выжали все соки. Даже по венам будто текла не кровь, а вода. Он не чувствовал ни страха, ни отчаяния, ни ненависти, ничего. А потом понял, что все его существо до отказа заполнено таким каменным горем, что больше туда не способно просочиться ни малейшее чувство. Появился Орвил.

— Я поеду за Джерри, — сказал он.

— Я тоже туда, — бесцветным голосом произнес Джек, и Орвил неожиданно предложил:

— Зайдем сначала в бар?

— Давай.

Джек вспомнил, как когда-то они, совершенно разбитые физически и раздавленные морально, сидели друг перед другом в придорожном салуне. После того, как случайно повстре-

чались в пути и Агнесса узнала, что он не погиб. Они не пили, а выясняли отношения. Сейчас, привязав лошадей, они так же вошли в почти пустое полутемное помещение и сели за стол.

— Я буду коньяк, а ты?

— Виски... или... Ладно, давай коньяк.

— Надо немного поддержать силы и успокоиться.

— Согласен. Ты сиди, я принесу.

— Я заплачú.

— Я тоже могу угощать.

— Лучше все-таки я, — спокойно возразил Орвил, доставая деньги. — Ведь это я предложил сюда зайти.

Вернувшись, Джек поставил на стол небольшую бутылку и две рюмки.

— Чтобы не ходить несколько раз, — заметил он, и собеседник не возразил.

Орвил сразу увидел, что напиток дрянной. Таких коньяков, какие стояли у него дома, здесь не продавали. Но сейчас ему было все равно. Они выпили, каждый сам по себе, потом молчали, пока Орвил не спросил:

— У тебя что-то было с Гейл? Там, на прииске.

— У меня с Гейл? Конечно, нет. Я же приехал туда с Агнес.

— Она сказала, что стреляла вместе с тобой по бутылкам.

— А! Да, припоминаю. — Джек усмехнулся. — Какие только глупости могут прийти в голову в двадцать лет! Что она еще говорила?

Орвил посмотрел на него долгим взглядом, заглянул в его светлые глаза, словно проколотые черными точками зрачков. Странные глаза, будто затягивающие в некую обманчивую глубину, куда ему вовсе не хотелось проникать.

— Что вы с Агнессой недавно снимали комнату в гостинице и проводили там время.

Джек пожал плечами.

— Ты не знаешь Гейл? Эта тварь врет. Это она нарочно, чтобы тебе досадить. Если это так важно, Агнес чиста перед тобой.

— Просто не думаю, что тебя бы что-то остановило.

— Меня? Сам знаешь, от желания мужчины в таком деле зависит далеко не все. Надо, чтобы женщина тоже этого захотела. А принуждать не в моих привычках. Тем более, если это касается Агнес.

Орвил вздохнул.

— Лучше оставим это. Главное, чтобы Агнесса осталась жива и выздоровела.

— Да, — подтвердил Джек.

— Все расходы по лечению я возьму на себя. И сделаю большое пожертвование больнице.

— Тебе повезло, что ты это можешь. А я, к сожалению, нет.

— Ты меня спас, — заметил Орвил.

— Я не спас тебя, а просто обезоружил Гейл.

— Думаешь, она могла выстрелить еще раз?

— Она на все способна. Это я должен благодарить тебя, Орвил, за то, что ты меня не сдал. Тебе бы поверили.

— Ты знаешь, что я бы этого не сделал.

— Знаю.

— Мне кажется, ты давным-давно свое получил.

— Хорошо, что ты так думаешь.

— Завтра утром встретимся в больнице, а потом, если Агнессе не станет хуже, поедem ко мне. Сопоставим наши показания, чтобы не было расхождений. Лучше все заранее написать. Затем съездим в участок, а после я займусь твоим паспортом.

Орвил подумал, что, учитывая родство Гейл Миллер с Самантой Неппер, то, сколь значимое положение в обществе занимал он и кем была Агнесса, город будет гудеть, как гигантский пчелиный улей. Сразу два преступления, отношения, запутанные в немыслимый клубок. Гейл, которой нечего терять, наверняка станет болтать что попало, хотя, возможно, не упомянет историю на золотом приiske. А если она все-таки это сделает, надо постараться сместить акцент на то, кем там была она сама.

Орвил и Джек сидели, чувствуя, как ими овладевает призрачное успокоение, горе приглушается, душевная боль становится глуше. И прежней вражды тоже нет. Золотисто-коричневый напиток сыграл свою роль.

— Гейл говорила, что ты смертельно боишься полиции.

— Да, боюсь.

— В отеле я такого не заметил.

— Ты не знал, что происходило у меня внутри.

— Тебе придется выступить в суде, Джек.

— В суде?! Ты шутишь! С какой стати!

— Ты единственный, кто способен подтвердить, что Гейл в меня стреляла.

— Не знаю, смогу ли я.

— Ради Агнессы ты сможешь все.

Выйдя из бара, Орвил сказал, что поедет за сыном в дом Агнессы. Джек тоже отправился туда. Увидев, как они подходят к крыльцу вдвоем, Терри схватилась за сердце, но мужчины заверили ее, что пока причин для паники нет. Мальчики выбежали из дома и бросились каждый к своему отцу. Орвил и Джек одинаково говорили им, что Агнесса поправиться, что все будет хорошо.

— Папа, ты ранен! — воскликнул Джерри.

— Ничего серьезного. Мы задержали женщину, которая наехала на твою мать, и вызвали полицию.

Мальчик смотрел озадаченно.

— Вы?

— Мы с отцом Джека.

Орвил коротко попрощался, и они с Джерри уехали. Терри смотрела на все это и молчала. Она долго жила в этом доме, а прежде в доме Аманды. Жила, почти никуда не выходя, не готовая ни к переменам, ни к тому, чтобы на нее сильно влияли события внешнего мира. Но это происходило так или иначе, проникало в душу и сердце, заставляло волноваться, переживать, принимать непростые решения. Сейчас Терри не знала, что делать, только чувствовала, что нужно чем-то занять свои руки. Старое, проверенное, испытанное средство.

— Ты тоже уедешь? — спросила она у старшего Джека и неожиданно для себя предложила: — Оставайся тут, а утром вернешься на свою конюшню. Сегодня, я вижу, с тебя все равно не работник.

— Завтра мы с Орвиллом встречаемся в больнице. Я попрошу у мистера Хэнсли несколько свободных дней. Если вы, Терри, позволите мне переночевать здесь, я, конечно, останусь.

Джек-младший запрыгал от радости, а Терри сказала:

— Я не хозяйка этого дома. Но, думаю, мисс Митчелл не стала бы возражать.

«Завтра мы с Орвиллом» — в ней звучало эхо этих слов, и Терри думала, о том, что одна и та же беда и боль способны объединять сердца. Сердца людей, которые прежде ненавидели друг друга.

Глава одиннадцатая

В больничной палате было прохладно и тихо. Ничего не менялось, кроме падающего в окно утреннего, дневного или вечернего света, после чего наступала ночная тьма. Боль накачивала и откатывала волнами, как океанские воды, сознание то мутилось, то прояснялось, то и дело одолевала слабость и неприятное тошнотворное чувство. Время тянулось медленно. Секунды превращались в минуты, минуты в часы, а часы становились днями. Внешний мир оставался неизменным, тогда как внутри все жило и билось, хотя при этом казалось беспомощным и бессильным. Сердце то затихало, то трепыхалось настойчиво и неровно.

Агнесса ничего не ела, только пила воду. К ней заходили врач и медсестры, проверяли ее состояние, меняли повязки. Приходила полиция, и Агнесса рассказала все, что смогла рассказать. Ни Орвила, ни Джека к ней не пускали, тогда как ей хотелось, чтобы ее поддержали за руку, не давая уйти из этого мира. Доктор Бирс уверял, что регулярно сообщает мистеру Лембу о ее состоянии, а разговаривать ей вредно. Он утверждал, что она идет на поправку и непременно выздоровеет, но врачи всегда так говорят.

Агнесса осознала, что может не узнать, что станет с ее детьми. «Странно, — говорила она себе, — что, находясь на грани жизни и смерти, человек зачастую думает не о себе, а о тех, кого оставит за порогом. За тем порогом, где умершим нельзя оглянуться, куда живым нельзя заглянуть». Множество вопросов вертелось у нее в голове. Что, если она останется калекой, станет для кого-то обузой? Агнесса знала, что окружавшие ее люди без колебаний возьмут на себя заботу о ней, но справедливо ли возлагать на их плечи такую ношу?

Она безвинно обидела Орвила. И оказалось, что ранить, уязвить, уколоть человека куда проще, чем вытащить из его сердца отравленный кинжал или даже шип. Когда он пришел к ней после того, что случилось сейчас, он сбросил маску уязвленного мужского самолюбия и человеческой гордости. Возможно, только на время, однако Агнесса успела увидеть то, что за ней скрывалось. А Джек был глубоко подавлен тем, что недавнее счастье рухнуло, что судьба построила его не из надежных и прочных каменных глыб, а из игральных карт, разлетевшихся под порывом жестокого ветра.

Она вспоминала о красках зари, о лучах теплого солнечного света на своем лице, о дождевых каплях в волосах, о вкусе и запахе ветра, о взглядах и голосах тех, кто был ей дорог. Все это казалось давним и могло больше не повториться. Засыпая, Агнесса думала о деревьях, растущих в трещинах голых скал: она видела такое в Калифорнии. Эти деревья находились именно там, хотя могли вырасти совсем в другом месте. Потому что так распорядилась судьба.

Утром Орвил и Джек, как и было условлено, встретились в больнице, где им сказали, что к Агнессе нельзя, хотя ей и не стало хуже. Тогда они отправились к Орвилу, после того, как тому сделали перевязку.

— Проходи и садись, — сказал Орвил, открывая дверь своего кабинета.

Джек остановился на пороге, пораженный сдержанной роскошью обстановки. Мебелью благородных темных тонов, высоко подвешенными бронзовыми светильниками, светло-кофейного цвета обоями. Шторами, спускавшимися фестонами с высоких окон, бежево-шоколадным ковром на полу.

— Куда садиться?

— За мой стол.

— На королевский трон? — невесело пошутил Джек.

В холле слуги, хотя и посмотрели на него с удивлением, (таких гостей Орвил в дом еще не приводил) разумеется, вели себя как обычно. Джерри был в школе и ничего не знал об этой необычной встрече. Только Френсин, возможно, узнала бы Джека, если бы увидела, но

она была занята работой в глубине многочисленных комнат. На большом письменном столе лежали бумаги, исписанные аккуратным почерком Орвила, и чистые листы.

— Это мои показания. Прочитай.

— Когда ты успел?

— Ночью. Хорошо, что меня зацепило не с правой, а с левой стороны.

— Сильно болит?

— Не очень.

Пока Джек читал, Орвил думал о том, что многие важные, ценные, полные истины мысли приходят на ум именно ночью, когда чаще всего и рождается откровение. Он мог понять, почему в эту пору поэтам легче писать стихи. Отчего, просыпаясь, творцы бросаются к бумаге и чернильнице с пером. Они знают, что при свете дня слова, что пришли к ним во тьме, исчезнут, растают в памяти без следа. Ночь была временем, когда разум сливается с чувствами, с душой и сердцем. Орвил подумал о серебристо-белой таинственно-яркой луне, этом ночном светильнике, неизвестно зачем подвешенном над землей. Наверное, она вдохновляла, но, как и трепетные звезды в неизмеримых безднах вселенского мрака, не давала ответов ни на какие вопросы.

— Да, складно. Так все и было. Разве кроме того, что я не видел, как Гейл в тебя стреляла, а ты написал, что это произошло при мне.

— Так будет проще.

— Конечно. Я ни разу не встречал полицейского, которому не стоило бы соврать. А что должен сделать я?

— Написать свои показания, то есть описать то же самое, только со своей точки зрения и другими словами.

— Боюсь, таких слов в полиции не захотят услышать, — усмехнулся Джек и признался: — Для меня это непростая задача, Орвил. Это не коней седлать. В чем-то мать Агнессы была права.

— Я редко такое говорю, но она не слишком приятная женщина. Где ты с ней виделся?

— Она приходила на конюшню, чтобы со мной поговорить.

— О чем?

— Это не сложно представить. Хотела, чтобы я уехал, а еще лучше — умер.

«Этот номер у вас не пройдет, миссис Митчелл, — с иронией подумал Орвил. — Если человек умирает, он мертв. О Джеке такого нельзя сказать».

— Ты будешь сообщать ей о том, что случилось с Агнес?

— Пока нет. Не хватало еще, чтобы она приехала.

Немного помолчав, Джек предложил:

— Орвил, ты сам знаешь, что написать. Напиши, а я перепишу.

— Хорошо.

Они поменялись местами: Джек сел в кресло, Орвил за свой стол. Агнесса не раз замечала, что даже в, казалось бы, простых, бессознательных движениях и действиях Орвила сквозит благородная утонченность. Теперь это видел и Джек. Наконец, отложив перо, хозяин кабинета сказал:

— Сделаем перерыв. Я позвоню, чтобы принесли кофе и что-нибудь перекусить. И ты посмотришь еще вот это.

— А это что?

— Рекомендательное письмо с моей подписью и личной печатью. Ты же вроде как работал у меня.

Вошла горничная в накрахмаленном белом фартуке и изящной наколке. Молча с коротким поклоном поставила на стол поднос и вышла. Фарфоровые чашечки, серебряные ложечки. Солидный кофейник с ароматным кофе. Стаканчики с водой, салфетки. Белый хлеб, ветчина,

сыр. Джек посмотрел на все это с удивлением, но ничего не сказал. Когда Овил разлил кофе, он осторожно взял хрупкую чашку. Орвил посмотрел на покрытые мозолями руки Джека, которые были несравненно грубее и сильнее его рук, много лет не поднимавших ничего тяжелее дорожного саквояжа. Сидящий перед ним человек не посещал ресторанов, не ездил в пульмановских вагонах, не имел счета в банке. Он принадлежал к совершенно иному миру, секретов которого он, Орвил Лемб, как ни странно, тоже не знал. Какой меркой мерили их Агнесса? Вероятно, чем-то, не имевшим отношения к материальному миру. Тем, что зовется любовью?

После кофе Джек прочитал то, что написано на бумаге, и взглянул на Орвила.

— Значит, я родился в Оклахоме?

— Да. Жил и работал там, потом в Техасе. Сюда переехал несколько лет назад. Ты никогда не бывал в Калифорнии, а о золотых приисках только слышал. Тут это не написано. Но если понадобится, ты так скажешь.

— Почему ты все это делаешь, Орвил?

Тот помолчал. В жизни любого человека существуют моменты, когда всеобщие законы перестают действовать, а мнение других людей хоть что-нибудь значить. Когда можно пойти против чего угодно. Даже против себя.

— Если Агнесса... Если случится непоправимое, по-настоящему позаботиться о твоём сыне сможешь только ты. У тебя должна быть чистая биография.

— Да. За такое мне ничем не отплатить. Тем более тебе.

Во взгляде Орвила промелькнуло что-то жесткое, а по лицу скользнула тень.

— Не стоит об этом. Давай, переписывай.

Джек писал очень медленно, потому что совершенно к этому не привык, и, глядя на его усилия, слушая натужный скрип пера, Орвил думал о том, какая все-таки между ними пропасть. Когда все было готово, он сказал, что теперь можно ехать в полицию. А Джек вдруг спросил:

— Можешь показать мне комнату Джессики?

Орвил не ожидал этого, но все же ответил:

— Пойдем.

Комната была обычной комнатой девушки возраста Джессики и ее круга, разве что лишенной ненужного украшения и кокетства. Орвил открыл шкаф и вытащил альбом.

— Я нашел его, когда мы с Френсин проверяли, что взяла с собой Джессика.

Джек осторожно, с замирающим сердцем переворачивал листы, не веря своим глазам.

— Все эти люди как живые. Какие лица! Ты, Агнес, мальчики... А меня здесь нет.

— Тебя Джессика никогда не рисовала.

Джек посмотрел на него.

— Спасибо, Орвил. Если бы не ты, ничего бы этого не было.

— Вообще-то, без тебя тоже. Ладно, поехали, нам пора. И, прошу, сохраняй самообладание, постарайся ничего не испортить. Будь спокоен, не проявляй волнения. Речь пойдет не о тебе. Мы обвиняем Гейл.

Глава двенадцатая

В полиции все прошло гладко. Сработала магия большого материального состояния, умения держать себя, многолетней безукоризненной репутации мистера Лемба. Джек был даже не тенью Орвила, а чем-то столь незначительным, на что не стоило обращать никакого внимания. Он был важен, как свидетель, и только. А сам по себе не вызывал ни малейшего интереса.

Прошло чуть больше недели. В самочувствии Агнессы не произошло видимых ухудшений. Мужчины навещали ее, но им не позволяли надолго задерживаться в палате. В этом доктор Бирс был непреклонен. Он также делал все для того, чтобы оградить пациентку от вездесущих газетчиков.

Между тем местное высшее общество пребывало в шоке. Тем более все выстраивалось логично. Орвил Лемб отказался жениться на Гейл Миллер, Агнесса Митчелл оскорбила ее на губернаторском приеме, прилюдно дав пощечину. Тогда женщина решила отомстить. Месть была делом привычным, но никто не мстил *таким* образом! И ладно бы только Агнессе! В довершение всего Гейл стреляла в Орвила Лемба, ранила его, а ведь могла и убить! Саманта Неппер, хотя и косвенно, оказалась замешанной в этой истории. Невиданная доселе сцена с пощечиной, с чего все началось, разыгралась на ее приеме. И что гораздо хуже, Гейл Миллер была вдовой ее двоюродного брата! Миссис Неппер всерьез опасалась за положение своего мужа. У нее не было оснований не верить, что все произошедшее — правда. Как правда и то, о чем сказала Агнесса на том злосчастном балу, и на что ни Саманта, ни губернатор вовремя не среагировали. Показания Агнессы, ее сына от бывшего мужа, кучера — все совпадало, как и показания Орвила Лемба, портье из отеля и какого-то мужчины, который пришел туда вместе с мистером Лембом. Наверное, кто-то из его людей. В это Саманта не вникала.

У ее супруга, губернатора Гарольда Неппера, было много возможностей и связей. Если бы возникли сомнения в виновности и непорядочности Гейл Миллер, и он, и Саманта стали бы защищать ее, насколько позволял закон. Однако в данном случае они решили не предпринимать попыток вмешаться, чтобы ее спасти. Она была пришлой, чужой, и Непперы пришли к выводу, что проще сослаться на то, что они не знали, что представляет собой эта женщина.

Прочитав в газетах, кто такая Агнесса Митчелл, Стоверы, у которых она работала, были поражены. Значит, она была женой состоятельного уважаемого человека, который по какой-то причине развелся с ней! Надо же, когда-то мисс Митчелл принадлежала к высшему обществу! Стоверы не знали, сокрушаться им по этому поводу или гордиться тем, что такая женщина работала у них горничной.

Гейл Миллер были предъявлены все обвинения, но пока не начался судебный процесс, ее имя не публично не называлось. О Джеке ничего не писали. Его лишь упомянули как некоего безымянного свидетеля. Был только один человек, который все сопоставил и сделал кое-какие выводы — управляющий конюшней мистера Хартмана, мистер Шон Хэнсли. Когда Джек вновь приступил к работе, он вызвал его к себе и спросил:

— Откуда ты знаешь мистера Лемба?

Во взгляде Джека отразилась тревога. Все эти дни он ждал неминуемого. И дождался.

— Некоторое время я работал у него.

— Ты об этом не говорил.

— Это продолжалось недолго.

— Почему ты ушел?

— Так получилось.

— Я вот что тебе скажу: газеты мусолят историю о женщине, попавшей под колеса экипажа, и покушении на жизнь мистера Лемба. Я не вхож в высшие круги, но здесь бывают люди из общества. Женщину зовут мисс Агнесса Митчелл, и она бывшая жена мистера Лемба. Он

развелся с ней из-за какой-то скандальной истории. Говорят, она изменила ему с человеком гораздо ниже по положению, от которого родила ребенка. Что ты молчишь?

— Я не знаю, что сказать.

Шон Хэнсли покачал головой.

— Давай начистоту: это был ты? Женщину, что отпрашивала тебя у меня, именно так и звали. Агнесса Митчелл. Я еще тогда кое-что заподозрил, уж больно она была взволнованна и настойчива. Теперь я понимаю, что это было за путешествие! И мальчик, которого ты учишь ездить верхом, наверняка твой. Так?

Джек подумал, что начать отпираться равносильно тому, чтобы усугубить ситуацию, и ответил:

— Да, все верно.

— Однако, Джек! Это уж слишком!

— Я понимаю, что должен уйти.

— Репутация заведения стоит любого самого ценного работника.

— Конечно, сэр.

Все в нем словно окоченело, застыло. Усилия Орвила оказались напрасными. Теперь он, Джек, лишится хорошего места. Что еще удастся найти? У него не будет ни цента, и как же Агнесса, сын, Терри и Билл? А если всплывет все остальное?!

— Только ты останешься. Мистер Лемб разговаривал с мистером Хартманом и попросил ни в коем случае тебя не выгонять. Ты вроде как спас ему жизнь. Я слышал, что этот джентльмен помешан на справедливости, порядочности и благородстве, но не думал, что до такой степени. Покровительство сильных мира сего — великое дело. Так что иди, работай и постарайся больше не врать.

— Я скрывал правду, потому что не хотел подставлять мисс Митчелл, — рискнул сказать Джек.

— Это я понимаю, как и то, если бы на тебя вешались обычные женщины. Но дама из общества... — И про себя закончил: «При богатом, не старом, благородном, порядочном муже!» — А вслух добавил: — Этот случайшний раз доказал мне, что, несмотря на прожитые годы, я все еще плохо знаю людей.

Прошло несколько дней. Агнесса чувствовала себя гораздо лучше. Минула пора бесконечных мучений, когда у нее болело буквально все тело, было больно дышать, совершать любое движение. Когда у нее кружилась голова, ее мутило, ей казалось, будто ребра распиливают пилой. Теперь она могла потихоньку поворачиваться без боли, понемногу начала есть, дольше бодрствовала. И собственный голос уже не казался ей таким слабым, будто слова произносила не она. Но хотя у Агнессы и появились силы говорить, доктор Бирс был против долгих бесед, считая, что они способны изнурить больную как телесно, так и душевно.

Он сам сообщил ей, что наехавшая на нее, а в придачу ранившая мистера Лемба женщина задержана и находится под стражей. Состоится суд, и она наверняка получит немалый срок. Свидетелей ее преступлений достаточно, и они всё подтвердили. Что касается детей, мистера Лемба и других людей, о ком волнуется мисс Митчелл, с ними все в порядке. Агнесса порывалась узнать, каковы ее шансы вернуться к прежней жизни, но врач отвечал уклончиво. «Пока об этом рано говорить. Ни о чем не переживайте, не надо забегать вперед» — такими были его слова. В один из дней Агнесса упростила сестру милосердия дать ей зеркало и ужаснулась: ввалившиеся глаза, бескровные губы, бледная кожа, тонкая, как стебелек, казавшаяся какой-то беспомощной шея. Даже волосы выглядели тусклыми и ломкими. Но она так ослабла, что ее не слишком волновало, что кто-то видит ее такой.

Тем временем Орвил Лемб решился на нелегкий шаг: наведлся в окружную тюрьму, где в ожидании суда содержалась Гейл Миллер. Он пошел туда не затем, чтобы ее навестить, а с целью узнать, что она намерена говорить на процессе.

Глава тринадцатая

Орвил без особого труда добился свидания наедине, и его провели в комнату с голыми каменными стенами, где стоял лишь деревянный стол и два стула. Через три минуты туда привели Гейл Миллер.

— У вас полчаса, сэр, — сообщил надзиратель и вышел.

Гейл была в платье из грубоватой серой ткани, в войлочных туфлях, в которых едва ли кто-то услышит, как арестанты порой мечутся по камерам. Ее губы изогнулись подковой, а глаза казались подернутыми поволокой.

— Зачем ты пришел? — медленно проговорила она.

— Здравствуй, Гейл. Хочу побеседовать с тобой. Надеюсь, ты не слишком страдаешь от здешних условий?

— Ты издеваешься?! Одиночная камера для меня — это привилегия или наоборот? Как отдельная палата для Агнессы Митчелл? Правда, там наверняка стоят цветы.

Орвил подумал о том, что там нет цветов. Во всяком случае, от него. С его стороны было бы неуместно приносить букеты или даже доставлять их с посыльным. А какие камеры в этой тюрьме, он знал: тесные, с суровыми темными стенами, железными дверями и крошечными окошками для передачи скудной пищи. Хотя, пожалуй, то, что Гейл при ее импульсивном характере поместили в одиночку — это только во благо.

— Или цветы лежат на ее могиле? — продолжила женщина и пристально посмотрела на Орвила.

— Агнесса жива. Я здесь не за тем, чтобы обсуждать ее состояние.

— Тогда зачем?

— Чтобы поговорить о тебе.

— Обо мне? Моя жизнь кончена.

— Не думаю. Приговор может быть разным.

Гейл усмехнулась.

— Ты постарайся, чтобы мне дали как можно больше! С такими деньгами все в твоих силах.

— Я не мстителен, Гейл. И у тебя тоже есть деньги.

— Зачем мне они теперь? Твое общество от меня отвернулось, как от проклятой. Мое отвернется, как только узнает. Впрочем, те, кто считался моими друзьями, вовсе не друзья. И если бы с тобой, Орвил, случилось нечто подобное, тебя тоже вышвырнули бы за борт.

— Я бы не стал желать кому-то смерти.

— И я не желала. Я просто хотела тебя остановить. В противном случае я бы не промахнулась.

— Ты стремилась убить Агнессу Митчелл.

— Если бы тебя ударили по лицу при сотне людей, ты бы тоже этого захотел. Агнесса превратила твою жизнь в топкое болото, а ты до сих пор носишься с ней.

— Потому что, какой бы она ни была, она мать моего единственного сына, который тоже мог погибнуть, если бы она не успела оттолкнуть его с дороги.

Гейл нервно, издевательски засмеялась. Орвил увидел ее такой, какой она всегда была: наделенной чувством непоколебимой уверенности в себе, нерушимым сознанием своей правоты.

— А Джек, от которого ты никак не можешь избавиться, да еще выгораживаешь его, тебе кто? Отец твоей единственной дочери?

Орвил смотрел на нее, ни на секунду не отводя глаз. Он много лет учился не примешивать чувства к делам и сейчас не дал себе воли. Он решил, что должен олицетворять собой спокойствие, правопорядок, такт и здравый смысл.

— Дай мне имя и адрес своего поверенного. Как ты намерена распорядиться тем, чем владеешь? У тебя есть родственники?

— Никого.

— Во всяком случае, у тебя есть возможность нанять хорошего адвоката. Он постарается защитить твоё имущество и повлиять на решение суда.

Орвил знал, что такие, как Гейл, выведенные из привычного равновесия, впавшие в безрассудство и смятение люди нередко хватаются за самые роковые, рискованные, необдуманные планы спасения от неизбежной судьбы. Гейл уже доказала это, вступив в сговор с темной, бессмысленно жестокой, первобытной частью своего «я». Поэтому сейчас нужно направить ее мысли в другое русло.

Женщина слегка склонила голову набок.

— Ты намерен помочь мне в этом?

— Возможно.

— Чем я обязана такой чести, мистер Лемб? Тем, что спала с тобой? Обычно мужчины не замораживаются по этому поводу.

— Оставим то, что было, в прошлом.

— Конечно, оставим. Только вот ты никак не можешь этого сделать! Я редко нуждалась в чье-то помощи. По большому счету я всегда была одна.

— Одиночество и жестокие желания — плохие соседи, Гейл. Это не полезно для души.

— Не разыгрывай из себя святого! — отрезала она. — Ты понятия об этом не имеешь. Жестоко, если к тебе протягивает руки нищета, когда ты молод, но тебе ничего не доступно. Вот что по-настоящему губит душу. И как ты мне поможешь?

— Посоветую надежного человека из числа адвокатов. И сам скажу, что нужно, а чего не надо говорить в суде.

— А! Чтобы соблюсти *свою* выгоду!

— Отчасти так.

Она молчала. Орвил знал, что никто не способен заглянуть в потаенные глубины чужой души, но сейчас он увидел, что Гейл сломлена. Ей было что терять. Она много лет карабкалась на вершину, преодолевая внешние и внутренние препятствия. Наверняка прошла нелегкую школу выживания, а теперь все оказалось напрасным. Двойное преступление, по сути, в обоих случаях покушение на убийство присяжные осудят достаточно строго. Здесь не будут иметь значение ни внешность, ни материальное состояние обвиняемой. Орвил не ожидал услышать старую как мир песню, но услышал.

— Давай отбросим ненужное в сторону. Хорошо, помоги мне, Орвил. К сожалению, этот бездушный мир уничтожил во мне способность чувствовать так, как я хотела. Как, наверное, хочет каждая женщина. Я надеялась испытать это с тобой. Ты казался мне глубоко порядочным, непохожим на остальных мужчин. Но не сложилось. Помоги не ради меня, не ради себя самого, а ради моей дочери.

Последняя фраза стала для Орвила большой неожиданностью.

— Ты говорила, твой ребенок умер.

— Нет. Я плохо жила, мне было не на что содержать девочку. Пришлось отдать ее в приют. Как раз для того, чтобы она осталась жива.

— А потом? Почему ты не забрала ее к себе?

— Кто бы взял меня замуж с незаконным ребенком? Это Агнесе Митчелл повезло встретить тебя! Лестер Миллер никогда бы такого не допустил.

— Где отец девочки?

— Он меня бросил.

На самом деле Гейл сама не знала, от кого родила девочку. Зато ей было известно, что женщина, у которой есть ребенок, всегда вызывает больше сочувствия и жалости, чем женщина без детей. Конечно, если не уточнять, как она относилась к дочери.

— Чего ты хочешь для нее сейчас? Как ее зовут? В каком она приюте?

— Ребекка Маккензи. Я родила значительно позже твоей Агнессы, так что сейчас моей дочери всего девять лет. Адрес приюта я тебе назову. Я хочу, чтобы хотя бы часть того, что у меня есть, досталась ей. Ввиду обстоятельств, не сомневаюсь, что дети Лестера Миллера от первого брака и еще какие-то его родственники затеют со мной тяжбу. Они давно точат на меня зуб.

— Есть причины?

— Они были против того, чтобы мистер Миллер женился на мне, а после его смерти мне досталась большая часть наследства.

— Они уже судились с тобой?

— Да, но ничего не добились.

— Ты должна мне все рассказать, и я обещаю не использовать это против тебя. Сейчас времени нет, но я приеду еще раз. Дай мне адрес поверенного и приюта. Ты навещала свою дочь? Она жива?

— Навещала, — солгала Гейл и на всякий случай добавила: — К сожалению, не часто.

— Почему, когда твой муж умер, девочка осталась в приюте?

Женщина невесело улыбнулась, словно давая понять, насколько глуп этот вопрос.

— Представь реакцию общества! Какие бы последствия мне грозили? Я даже не могла устроить дочь где-то тайно. Кому надо, тот раскопает все что угодно. Вам, мужчинам, в этом смысле гораздо проще. Хотя представляю, что тебе пришлось вынести, прежде чем Агнессу приняли в твоих кругах и признали ваш союз.

— Думаю, никакая репутация не стоит материнской любви.

— Как и желание развлечься с любовником, — заметила Гейл, но, поймав жесткий взгляд Орвила, произнесла с оттенком примирения: — Ладно, не будем. Когда тебя ждать?

— Возможно, через неделю.

— Как твоя рана?

— Заживает. Она не опасна.

— Вот видишь! Я говорила, что умею стрелять. Между прочим, у тебя есть любопытная особенность, Орвил. Ты стремишься помогать тем, кто причинил тебе вред.

— А у тебя — пытаться навредить тем, кто тебе ничего плохого не сделал.

Глава четырнадцатая

Вскоре настало время перехода от ранней, теплой и солнечной осени к поздней, неприветливой и суровой. Никто не любил эту пору окончательного убывания сил природы, когда порывы холодного ветра швыряли дождь в оконные стекла, сгоняли в кучи опавшие листья, а после взметали их, отчего те кружились по воздуху, словно вспугнутые птицы. Озеро превратилось в небольшое подобие бурного моря, а небо было беспросветно хмурым.

Доктор Бирс приставил к Агнессе молодую женщину лет двадцати пяти, сестру милосердия по имени Келли Темпл, и ей стало веселее. Общество этой милой приветливой девушки скрашивало ее дни. Орвил сказал бывшей жене, что некоторое время не будет ее навещать, потому как ему нужно уехать из города по делам. Агнесса не смогла скрыть огорчения, и Орвил заметил:

— К тебе будет приходить Джек. Кстати, его паспорт почти готов.

— Ты слишком много делаешь для меня, Орвил. И не только для меня.

На его лице появилось выражение, какое возникало, когда ему не хотелось проявлять свои истинные чувства, и он ответил:

— Это мой долг. И я попрошу персонал устроить для тебя встречу с детьми.

— Я буду очень рада, — сказала Агнесса и закрыла глаза.

В коридоре Орвил подошел к Келли, которая при его появлении покинула палату и теперь ждала возле окна.

— Мисс Темпл, — обратился он к ней. — Пожалуйста, позаботьтесь о мисс Митчелл. Она хочет увидеть своих сыновей. Можно ли их привезти?

— Я поговорю с доктором Бирсом, сэр. До недавнего времени состояние мисс Митчелл оставалось тяжелым, но сейчас ей значительно лучше.

— Вот, — сказал Орвил, привычно доставая купюры, — это вам.

Обычно у людей не возникало затруднений, чтобы взять деньги, однако молодая сестра покраснела и сделала шаг назад.

— О нет, что вы, мистер Лемб! Я получаю жалованье. Вы сделали большое пожертвование на нужды больницы, нам говорил об этом доктор Бирс. Я и так все выполняю, это моя обязанность.

— Простите, я не хотел вас обидеть. Тогда до свидания, мисс Темпл.

Он ушел, а Келли смотрела ему вслед. Все в больнице жадно интересовались этой историей, потому что читали газеты, где, впрочем, многое было напутано. Было предостаточно обсуждений и пустой болтовни, хотя доктор Бирс запрещал и по возможности пресекал такие вещи. Другие сестры завидовали Келли, тому, что выбор врача пал на нее и что теперь она может что-то узнавать от Агнессы, то есть из первых уст. Мисс Темпл осаждали расспросами, но она была сдержанна, немногословна. Поэтому доктор Бирс и назначил сиделкой именно ее. Келли хорошо относилась к Агнессе, ей очень нравился Орвил (он всем нравился — сестры только о нем и говорили), и она настороженно относилась к Джеку, потому что именно он, на ее взгляд, вносил в упорядоченный мир частичку хаоса. Он старался держаться с мистером Лембом на равных, хотя равными они явно не были.

Орвил спускался по лестнице, а Джек поднимался. Тут они и встретились.

— Ты мне нужен, — сказал Орвил. — Я уезжаю по делам и хочу передать тебе вот это. — Он протянул бумаги.

— Что это?

— Предвыборная речь. — Орвил усмехнулся и пояснил: — Тут вопросы, которые тебе могут задать в суде, и то, как ты должен на них отвечать. Придется все выучить.

Джек перекладывал листы.

— Так много?

— Я постарался предусмотреть большинство возможных вариантов. Скорее всего, тебе и половины вопросов не зададут, но ответы знать надо. И никакой отсебятины, Джек. Там будет иметь значение каждое слово.

— Хорошо, я запомню.

— Сделай милость. Перед тем, как начать давать показания, тебе придется положить руку на Библию, чтобы поклясться в том, что ты говоришь правду.

— Понятно. Не беспокойся, для меня что Библия, что обычный кирпич.

— В этом у меня нет сомнений.

Они выразительно посмотрели друг на друга, и Джек сказал:

— Ты помогаешь мне, Орвил, но при этом не перестал считать меня тем, кем всегда считал.

— Не думаю, что тебя это сильно волнует.

— Ты прав, не сильно.

После этих слов они молча разминулись, и Джек вошел в палату. Келли поднялась со стула.

— Мистер Лемб только что ушел и...

— Знаю, я его видел.

— Все в порядке, Келли, — сказала Агнесса, и девушка вышла.

Джек спросил Агнессу о ее самочувствии, потом заметил:

— На самом деле мне не очень нравится, что Орвил мне помогает.

— Почему? Он хочет, чтобы всем было хорошо.

— Всем хорошо быть не может, Агнес, и ты это знаешь. Между прочим, Орвил спрашивал, было ли что-нибудь между нами. Оказывается, Гейл отслеживала нас.

Агнессам замерла.

— Что ты ответил?

Джек внимательно, изучающе посмотрел на нее.

— Сказал, что она врет.

У Агнессы отлегло от сердца.

— Не думаю, что Орвилу было бы приятно услышать правду.

У Джека жестко блеснули глаза.

— Когда-то ему придется ее узнать. Он не маленький мальчик, переживет. Почему я должен это скрывать? Чего ты хочешь на самом деле, Агнес?

— Я устала наносить удары Орвилу. Если ты считаешь, что его броня — деньги и положение в обществе, ты ошибаешься.

— Я только могу только сказать, что у меня и такой брони нет. Я согласен играть в эти игры до тех пор, пока это не станет жестоким по отношению ко мне. Я тоже живой человек.

Они помолчали.

— Что это за бумаги? — спросила Агнесса про листы, которые Джек положил на постель.

— Ответы на вопросы, которые мне могут задать в суде. Орвил сказал, чтобы я их выучил.

Агнесса подумала о том, что взрывной характер Гейл и их взаимная неприязнь с Джеком, который тоже способен выйти из себя, могут сыграть плохую роль.

— Ты справишься? — с тревогой спросила она.

— Я постараюсь.

— Ты должен собраться и сохранять спокойствие, не обращать ни на что внимания.

— Я знаю.

— Как там... у меня дома?

— Все верят, что ты окончательно выздоровеешь. Когда я приезжаю, Терри зовет меня на кухню и закармливает.

— Это хорошо.

— К этому не надо привыкать.

Агнесса улыбнулась.

— Почему?

— Всегда могут настать плохие времена.

— Вот и радуйся хорошим. Орвил сказал, что скоро будет готов твой паспорт. Ты станешь таким же человеком, как все.

— Таким, как все, мне никогда не стать. А что со мной будет дальше, зависит только от тебя.

Глава пятнадцатая

Огонь, который Джессика всегда ощущала в себе, который мечтала вдохнуть в свои полотна, с каждым днем разгорался все сильнее. Она ежечасно наблюдала вокруг картины, которые бессилён вообразить тот, кто никогда их не видел. Она всей душой и сердцем устремлялась навстречу великому городу, без конца восторгаясь им. Париж напоминал ей огромный бушующий океан, неизведанный, сильный и страстный. Вечерами Джессика смотрела на него из окон студии сияющими от возбуждения глазами. Длинные ряды внушительных домов, залитые светом витрины, пешеходы, чьи шаги гулко отдавались от мостовой — все казалось необыкновенным. Париж был городом, вливающим неуправляемые жизненные силы в каждую мятущуюся душу, он порождает иллюзии, воплощал мечты.

Правда, существовал и другой Париж — с кварталами тесных улочек и низких строений, неприглядными потемневшими домами, сточными канавами, бедно одетой публикой, грязью и сыростью, что подавляло и внушало тоску тем, кто легко поддается впечатлениям. Джессике не смущали такие вещи, потому что их с Полем студия казалась ей верхом совершенства, оплотом счастья, островком невысказанных надежд. Она строила планы, как устроить выставку картин Поля, которая, возможно, принесет ему известность и поможет выгодно продавать полотна. На Монмартре девушка случайно познакомилась с неким мсье Мартелем, организатором выставок молодых художников, и договорилась с ним об аренде небольшого зала.

Вечера в компании друзей Поля проходили прекрасно. Уставленный благородным хрусталем и разноцветным фарфором стол, серебряные канделябры, сверкающий полированной чернотой рояль, споры, шутки, смех — все это приводило Джессике в неописуемый восторг.

В один из вечеров она осталась дома, чтобы подготовить и украсить студию к приходу мсье Мартеля, а Поль, чтобы ей не мешать, отправился к одному из своих приятелей, Роберу Парвилю, у которого как раз собирались друзья. Он пришел рано и услышал два знакомых голоса — хозяина квартиры и Жозефа Бюрна, который при первой встрече пытался задеть Джессике. При этом они произносили его имя. Других молодых людей, по всей видимости, еще не было, и Поль не удержался от соблазна узнать, что о нем говорят Робер и Жозеф. Остановившись на площадке перед дверью, он услышал, как хозяин квартиры сказал:

— Вот уже десять дней, как я не могу продать ни одной картины, а скоро срок уплаты за квартиру. Сейчас в Батиньоле мало народа, погода плохая. Что будет зимой? Опять глухое время.

— Займи у Леру. У него все занимают, а кто-то даже не отдает.

— У Поля сейчас тоже мало покупают, он мне говорил.

— При чем тут Поль? У его американки полно денег!

— И возле Джессики всегда толпа, даже в дурную погоду.

— Так мужики с Монмартра ходят пялиться на нее, — небрежно произнес Жозеф. — Скоро и со всего Парижа пойдут. Никогда бы не подумал, что девчонке может быть проще, чем нам. А что ей? Красивая, веселая, да еще иностранка. Взмахнула ресницами, тряхнула волосами, сверкнула улыбкой — и дело в шляпе! Она и колечко снимает, чтобы не знали, что она замужем.

— Джессика хорошо рисует.

— На Монмартре полно тех, кто делает это не хуже нее. Тех, кто не возник ниоткуда и не швыряет деньги, как ветер осенние листья, а долгие месяцы стоит на холоде и ветру, безуспешно пытаясь продать свои шедевры за бесценок.

Поль почувствовал, что не может здесь оставаться, что он должен уйти. Приятели так и не узнали, что он приходил. Между тем молодой человек почти бежал домой, и его сердце

терзали обида и ревность. Джессика занималась тем, что расставляла по углам вазы с цветами. Увлеченная своим делом, она не заметила настроения мужа и только спросила:

— Почему ты вернулся так скоро?

— Я передумал проводить вечер с друзьями, потому что мне нужно поговорить с тобой.

Джессика повернулась к нему.

— Да? Что-то случилось?

— Случилось. Говори, что хочешь, но больше ноги твоей не будет в Батиньоле!

Джессика опешила.

— Ты что?!

— А то, что на тебя глазают все, кому не лень! Хватит изображать из себя заморскую диковинку!

Светлые глаза Джессики смотрели в темные глаза Поля. И тот и другой взгляд пылали возмущением и вызовом.

— Я ничего из себя не изображаю. Я рисую!

— При этом снимаешь обручальное кольцо, чтобы никто не знал, что ты замужем! Все об этом знают, кроме меня! Давай, скажи, что это так!

Девушка замялась.

— Это... неправда.

— А вот тут ты лжешь! Я вижу это по твоим глазам.

— По глазам?

— Глаза человека — окно в его душу. Они могут сказать многое, особенно *твои* глаза. А еще ты много смеешься и болтаешь с моими друзьями. В такие минуты мне кажется, что меня вообще тут нет.

— Они наши гости, я обязана быть любезной с ними.

— Некоторые из моих приятелей смотрят на тебя масляными глазами, будто стараются понять, что мы чувствуем, когда остаемся наедине. И мечтают почувствовать то же самое. А еще постоянно думают о твоих деньгах. Потому что никто из них не может запросто выбросить двести франков на то, чтобы устроить выставку, хотя многие из них гораздо талантливее, чем я!

— Мсье Мартель сказал, что если твои картины ему не понравятся, он их не возьмет. Ты талантлив, Поль. Тебе дано подмечать, видеть, находить живописное в обыденном. И ты умеешь это изображать.

— Вот именно, сказал *тебе*, — заметил Поль, не обращая внимания на ее последние фразы. — Наверняка подумал, нельзя ли за тобой приударить.

— Он мне в отцы годится!

— Это не имеет значения. А если говорить об отце, то ты переживаешь, что похожа не на того человека, которого считаешь таковым, а на другого. При этом ты многие годы преспокойно жила на деньги мистера Лемба. Да и сейчас мы на них живем.

— Тебе не за что меня осуждать! — закричала Джессика. — И ты не имеешь права запрещать мне появляться в Батиньоле и рисовать! Это моя жизнь!

Она схватила вазу и с силой швырнула ее об пол — осколки разлетелись во все стороны. Теперь опешил Поль. «Вот это да! Пожалуй, американский темперамент похлеще французского», — подумал он и сказал:

— Не имею права? Я только и занимаюсь тем, что подчиняюсь твоим желаниям. Не хватало, чтобы меня считали подкаблучником!

— Что я тебя заставляю делать? Не хочешь никого приглашать, не приглашай. Мне хорошо и когда мы с тобой только вдвоем. Если ты против выставки, не будем ее устраивать.

— Мне не нравится, когда всё будто падает с неба, — мрачно произнес Поль.

— Большинство людей только об этом и мечтают.

— Я не такой.

— За это я еще больше тебя люблю, — сказала девушка и отвернулась. Поль понял, что она плачет.

Он вздохнул, подошел и обнял ее за плечи.

— Прости меня, Джессика, не знаю, что на меня нашло. Я ревную, потому что боюсь тебя потерять. Так, наверное, делают все слепо и безумно любящие мужчины. Ты не должна снимать обручальное кольцо, это же святое!

Она повернулась к нему и взяла его лицо в ладони.

— И ты прости меня, Поль. Я больше не буду так делать. И кто сказал, что ты меня потеряешь? Нас разлучит только смерть.

— Прошу, не надо об этом!

Как водится, после бурной ссоры они провели страстную ночь, и утром Поль уже не возражал против того, чтобы мсье Мартель пришел в студию. Возможно, Джессика со своими неудержимыми порывами была права. Надо действовать, не отставая от времени, смело вступать в гонку, живей поворачиваться, не зевать. Приближалась зима. Полю было известно, что многие из его приятелей в эту пору просто-напросто впадают в спячку, как бывало и с ним. Энергия убывает, инициатива затухает — в результате Париж отворачивается от тебя. А Джессика, судя по всему, не собиралась расхолаживаться.

Она с раннего утра носилась по студии, что-то переставляя, проверяя, все ли в порядке. Расположены ли картины так, чтобы на них удачно падал свет, красиво ли составлены букеты. Поль давно понял, что его юная жена редко увлекается чем-то наполовину. Если что-то захватывало ее, то целиком. Всякая идея владела ею безраздельно, и она вкладывала в любое новое дело все свои силы.

Джессика навела в студии идеальный порядок, и ровно в полдень мсье Мартель неторопливо поднялся по лестнице и постучал в дверь. Молодая пара встретила его со сдержанным волнением. Собственно, мсье Мартеля заинтересовала не столько просьба посмотреть картины, сколько сама девушка. Впрочем, не в том смысле, как опасался Поль. Юность, неповторимость, смелость, видимый полет души — все это не могло не привлечь человека, в свое время открывшего немало талантов, среди которых преобладали мужчины. Женщины попадались крайне редко. Мсье Мартель не слишком хорошо запомнил, что говорила Джессика, и думал, что речь пойдет о ее тюдах.

— Неплохо, — сказал он, рассматривая картины Поля. — Правда, мне показалось, что я увижу портреты. Наверное, что-то перепутал.

— Мой муж рисует пейзажи, — с улыбкой произнесла Джессика. Свои картины она благоразумно спрятала.

— Хорошо, покажите мне все работы.

Поль наблюдал за тем, как знаток живописи рассматривает его полотна, и его сердце лихорадочно билось, глаза блестели, лицо пылало.

— Я возьму на себя устройство выставки, — сказал мсье Мартель. — Многие картины весьма выразительны, в них есть драматизм и сила. Двести франков — и на две недели зал ваш. Место удачное, там всегда много публики.

— А объявления?

— Это за отдельную плату.

— Мы согласны, — кивнула Джессика.

Чтобы казаться взрослее, она надела строгое темно-синее платье и высоко зачесала волосы. Из украшений на ней была только мерцающая перламутром жемчужная нить, некогда принадлежавшая матери Орвила. Джессика надеялась, что оценка дарования Поля со стороны мсье Мартеля была искренней, как верила в то, что ее мужа ждут всеобщее признание и слава.

— Итак, когда начнем? — спросил солидный господин в шелковом цилиндре и дорогом пальто, с резной тростью в руках.

— Не начнем, — вдруг сказал Поль. — Простите, но я передумал.

Мсье Мартель чуть наклонился вперед.

— Позвольте, что?

— Передумал, — повторил юноша.

Джессика в изумлении переводила взгляд с одного лица на другое. Что происходит? В студию пришел *такой* человек! Что вытворяет Поль?! Она подумала, что, вероятнее всего, дело в том, что она отвечала за двоих и тем самым выставила себя главной. Надо было как-то спасти положение. Поскольку Поль молчал, она неловко произнесла:

— Нужно кое-что доработать, мсье Мартель. Пожалуйста, простите нас.

— Прощаю, — холодно произнес тот. — И прощайте.

Когда он, коротко поклонившись, вышел, Джессика рухнула на стул.

— И что? — только и сказала она.

— То, что все это ненастоящее. Пойми, любимая, я не желаю жить памятью о самом себе, таком, каким я был прежде. Мой отец говорил, что все люди получают то, чего заслуживают, и не годятся ни на что лучшее. Я не хочу опровергать это с помощью денег, заработанных не мной. Деньги и настоящее искусство не смешиваются. Не знаю, так ли считают в том мире, в котором ты выросла, но я буду стоять на своем до конца.

Она долго смотрела на него.

— Если мы, как и хотели, поедem в Америку, ты увидишь мой мир, который сейчас кажется тебе далеким и непонятным. Ты познакомишься с моей мамой, которая никогда не ставила материальные блага выше чувств. С моим папой, который, имея деньги, всегда считал, что хотя они дают известную защиту и поддержку, ни за что не сделают человека лучше, чем он есть в своей сущности.

Поль с благодарностью принял ее ответ, но его тревожило и другое.

— Зачем ты убрала свои картины? Мсье Мартель мог заинтересоваться ими, да, судя по всему, именно их и ожидал увидеть.

— Я хочу, чтобы мой муж стал известным, не я. Почему бы тебе не попытаться поступить в Школу изящных искусств? Родиться и жить в Париже, иметь талант, возможность учиться дальше и не воспользоваться этим!

Поль помолчал, рисуя в воображении желанное будущее, потом ответил:

— Ты не только великодушна, но и очень умна, Джессика. Что касается творчества, ты не просто мыслишь образами, ты их создаешь. Если бы в Школу искусств принимали женщин, мы поступили бы вместе. А один я не хочу.

— Ты так же упрям, как в разговоре со своим отцом. Между прочим, после свадьбы мы еще не были у твоих родителей. Они не хотели, чтобы ты женился на мне, но это все же произошло. Наверное, ты хочешь встретиться с ними?

— И да, и нет. Они приходили к церкви, когда мы венчались, но не подошли, чтобы нас поздравить. Я не собираюсь приглашать их сюда. — Поль задумался, потом сказал: — Хорошо, давай сходим к ним. Можно даже сегодня, без предупреждения. Так будет лучше.

Джессика надела жакет, шляпку, перчатки и теплые ботинки. Поль облачился в сюртук (молодожены привыкли одеваться хотя и в добротную, но неброскую одежду, чтобы не выделяться из толпы), и они вышли на улицу.

Глава шестнадцатая

Ветер был холодным, от него розовело лицо. Полуголые деревья казались посыпанными мелким золотом, от земли тянуло слабым запахом осеннего тления, в лужах, оставшихся от прошедшего ночью дождя, отражалось блеклое небо.

— Представляю, как зимой мы с тобой будем сидеть возле горящего камина, пить чай или даже грог и разговаривать. Тогда я точно не буду ходить в Батиньоль, а стану рисовать дома. Думаю, объединить некоторые картины в цикл, а другие написать заново. У меня накопилось много эскизов, — сказала Джессика.

— Возможно, я последую твоему примеру, — ответил Поль.

Когда они миновали богатый квартал, навстречу стали попадаться люди в потрепанной одежде, изможденные и угрюмые, с запавшими глазами. В их взглядах сквозило отчаяние и тоска. Поль подумал о том, как легко потерпеть крушение надежд и попросту умереть с голоду. Париж способен возродить, но может и убить. Уныние и нищета несовместимы с вдохновением и счастьем. Остановившись возле группы бездомных, молодые супруги дали им денег. Потом пошли дальше, и Джессика продолжала беспечно болтать. Она всегда охотно подавала милостыню, и, как казалось Полю, тут же забывала об этом. Она говорила ему, что плохо помнит раннее детство, когда они с матерью существовали в беспросветной бедности, а затем ее жизнь протекала среди людей, никогда не знавших нужды.

К удивлению Поля, возле отцовской лавки, а судя по всему, и внутри нее, кипела бурная деятельность. Какие-то люди вносили коробки, другие прибывали над входом новую вывеску. Рядом шла стройка: видимо, отец собирался расширить свои владения. Поль остановился. Ему пришла в голову мысль, что если он хочет найти постоянный и неплохой заработок, можно попробовать рисовать вывески и театральные афиши. Хотя мешает ли ремесленничество творчеству — большой вопрос. Они с друзьями много спорили об этом, но так и не пришли к единому мнению. Поль и Джессика поднялись наверх, в квартиру. Открыла мать, Матильда Леру, и молодой человек сразу заметил, что она преобразилась, словно помолодела и расцвела.

— О, сынок! И...

— Джессика, — напомнил Поль.

— Входите, входите! Как раз сегодня я испекла твой любимый пирог. Надеюсь, твоей жене он тоже понравится.

— Где отец? — спросил Поль.

— Внизу, с рабочими. Мы делаем пристройку, закупаем новые товары. Думаю, теперь дела пойдут хорошо.

— Где-то заняли? — поинтересовался молодой человек, помогая Джессике снять жакет. Мать замялась.

— Это... странная история. Нам прислали большую сумму, а кто, мы так и не выяснили. Сперва посчитали, что это ошибка, долго не знали, как поступить, потом отец все же решил вложить деньги в дело. Я почти уверена, что это сделал ты, Поль. Ты поднялся, я вижу!

Молодой человек посмотрел на Джессику. В его взгляде ясно читалось: «Я так и знал!» Матильда Леру послала служанку вниз в лавку с поручением привести мужа. Жан Леру пришел неохотно, но разделил скромное застолье и за рюмкой вишневого наливки поздравил молодых.

— Где вы живете? — спросил он сына.

— У нас студия.

— Что это такое?

— Большое помещение, где можно не только жить, но и писать картины.

— Дорого платите?

Поль сказал. Отец помолчал, пытаясь переварить то, что услышал.

— У вас и прислуга есть?

— Пока нет. Мадам Леру хозяйничает сама, — не без иронии в адрес отца произнес Поль.

Это была не совсем правда. Джессика с успехом наводила порядок в студии, могла приготовить что-то незамысловатое, но чаще они ходили в кафе или покупали еду у разносчиков. Поль, знавший голодные годы, был непривередлив, а Джессике нравилось пробовать что-то новое, даже если эта пища была невзыскательной. Например, печеные каштаны, ржаные хлебцы, луковый суп или жареные колбаски. Для стирки белья они пользовались услугами прачки.

Жан Леру принялся увлеченно рассказывать о делах, и Поль думал о том, что каждый человек находит себя в чем-то своем. Джессика молчала, но он видел, что ей не скучно. Она познавала Париж и незнакомую жизнь. Интересно, что почувствует он, очутившись в *ее* мире? Родители Поля, поскольку Джессика все-таки стала законной женой их сына, из вежливости пытались проявлять к ней внимание. Но и только. Сама по себе она по-прежнему казалась им непонятной, чужой. И все же они предложили им приходить еще и выразили желание посмотреть, как живут молодые.

— Можешь ничего не говорить и не отрицать, я все понял, — сказал Поль Джессике, когда они вышли на улицу. — Я понимаю, что деньгами, которые присылает тебе отец, ты можешь распоряжаться по своему усмотрению, но ты хотя бы посоветовалась со мной! Ты считаешь такую благотворительность уместной?

— Это же твои родители, и я подумала, что мы можем их поддержать. Я не сказала тебе, потому что боялась, что ты выступишь против, — с непривычной робостью ответила она и, видя, что Поль не возражает и вроде не сердится, уже увереннее добавила: — Если у тебя есть возможность помочь людям, то помогай. Так всегда поступал мой отец.

— А мой только и думал, как подешевле купить и подороже продать. Не отпускал бедным товары в долг, а тем, кто побогаче, случалось, снижал цену, чтобы подольститься. Я видел это, когда бывал в лавке.

Поль удрученно вздохнул, а Джессика с воодушевлением продолжила:

— Большинству людей дано или властвовать, или покоряться, самоутверждаться за счет других, но Орвил Лемб не такой. Когда-то мы с ним играли в игру, представляя, что бы сделали, оказавшись на месте Всевышнего или дьявола. С первым было проще, со вторым сложнее. Я сказала, что ввела бы всех дурных людей в искушение и в назидание ничего бы им не дала, а отец ответил, что покупал бы их души и старался исправить. Я возразила, что темные силы не занимаются исправлением душ, и решила, что моему отцу даже в воображении не очутиться на месте дьявола. Потому что и здесь он попытался проявить великодушие.

— Ты так восхищаешься мистером Лембом, а у него есть недостатки?

— Никто из нас не совершенен. Как почти все мы, мой отец не всегда способен что-то преодолеть в самом себе. Он не сумел полюбить Рэя, не смог простить маму. Долгое время не воспринимал моего младшего брата, не позволял Джерри общаться с ним. Но, что хорошо, не смог заставить себя жениться на той женщине, Гейл Миллер, хотя долг и принуждал его к этому.

О том, что Орвил не собирается вступать в брак с Гейл, Джессика узнала из его письма. Но о поездке Агнессы и Рэя в Калифорнию, о том, что мать пошла в услужение, как и о последующих трагических событиях, ей не было известно.

Следующим, выдавшимся ненастным и дождливым утром Джессика и Поль решили никуда не ходить, а понежиться в постели. Для молодого человека такое времяпровождение было внове, безделье поневоле вызывало чувство вины. Когда Поль сидел за столом, а Джессика с лукавым видом заправской хозяйки подавала завтрак, состоявший из поджаренного хлеба, вареных яиц и кофе, он вспомнил о своей идее и сказал:

— Я мог бы заняться изготовлением вывесок. Только не знаю, будет ли это мешать настоящему творчеству. Еще я подумал про афиши. Раньше мне не приходило в голову проникать в театральный мир, а сейчас... Почему бы нет?

Джессика пожала плечами.

— Сам решай.

Поль поднял на нее глаза.

— Послушай, это ты бы могла прекрасно рисовать афиши! У тебя люди получаются как живые! Да ты сама бы с успехом играла на сцене. Только я этого не допущу.

Последняя фраза звучала полусутоливо, и девушка улыбнулась.

— Афиши возможно. А сцена — это не для меня, — сказала она, наливая мужу кофе. — В школе часто устраивали спектакли, но я ни в одном не участвовала.

— Почему? Ты прекрасно держишься, ты танцуешь, обладаешь музыкальным слухом, играешь на рояле. У тебя яркий темперамент, а главное — очень выразительное лицо.

— При этом отсутствует самое важное качество актрисы. Я не умею притворяться, перевоплощаться, играть.

— Ты просто не пробовала.

— Давай я выберу что-то одно! — сказала она и засмеялась.

— Знаешь, Джессика, — серьезно произнес Поль. — Я не только люблю тебя всем сердцем, благодаря тебе я понял, что можно каждый день стоять на пороге новых открытий. Когда я почувствовал, что хочу рисовать, мне было очень тяжело, потому что никто не разделял моих стремлений, меня никто не понимал. Вот почему я и сейчас порой нерешителен, не умею смотреть далеко вперед.

— Ты не боишься уронить себя во мнении окружающих, и это главное.

Они продолжали разговаривать, и Джессика думала о том, что сбываются ее мечты о чувственном и духовном союзе, о таком счастье, о каком можно только мечтать. И задавала себе вопрос: почему это не получилось у Агнессы и Орвила?

Похоже, в том были виноваты все и никто. Обе стороны в чем-то ошиблись. Так часто бывает. Только вот в чем? И сказала себе: «Если бы я хотя бы на миг сделалась всемогущей, то соединила бы их навсегда». А если бы кто-то спросил ее, не нужно ли что-либо ей самой, она бы ответила: «У меня уже все есть».

Глава семнадцатая

В дороге Орвил не мог по-настоящему глубоко погрузиться в сон. Он словно плавал где-то на поверхности своего сознания. Мозг, как жернов, перемалывал обрывочные мысли, нынешние впечатления и давние воспоминания. Луна за окном сияла в полную силу, и когда поезд замедлял ход, можно было увидеть серебристо-черные стебельки травы возле железной дороги, переплетения соседних путей. На станциях в дымно-призрачном воздухе проявлялись очертания каких-то строений, столбов, фигуры людей, и Орвилу чудилось, что сейчас весь мир такой же — дремлющий, туманный, существующий в некоем замедленном времени. Погруженный в себя, он не заметил, как темнота за окном посерела, и на фоне мглистого неба стали видны деревья и силуэты дальних домов. В звуках окружающей жизни слышалось предутреннее оживление. Состав приближался к городу.

Орвил сошел с поезда, и все его тело казалось пронизанным холодом, окоченевшим, как часто бывает ранним утром. Болела не до конца зажившая рана. Орвил ощущал себя здесь поразительно чужим, несмотря на то, что ему случалось бывать по делам в других городах. Впереди его поджидала полная неизвестность. Он тосковал по уютному домашнему теплу, по чашке крепкого горячего кофе. К счастью, здесь был станционный буфет, где Орвил договорился встретиться с мистером Метсоном. Он вошел внутрь и присел за столик. Снаружи за стеклами торопливо и хаотично сновали люди: то был безначальный и бесконечный мир, который существовал и будет существовать всегда.

Иногда время казалось пустым, не наполненным ничем. Сколько в жизни людей таких бессмысленных минут, часов и дней! Орвил старался, чтобы у него их было как можно меньше. Накануне этой поездки он вновь побывал в тюрьме и поговорил с Гейл. Она выглядела хуже, чем в прошлый раз, он помнил выражение ее лица, унылое, как осеннее небо. Помнил эхо голосов и шагов, усиленное каменными стенами и пустотой. Гейл без колебаний согласилась на все условия, она уже не пыталась иронизировать и язвить, потому что угроза большого тюремного срока была слишком реальной.

«Я далеко не девочка, — сказала она. — Я не хочу выйти отсюда, когда стану старухой. На суде изложу все так, как ты подскажешь мне, Орвил, я буду слушаться адвоката, которого ты мне пришлешь». Но под конец, не сдержавшись, произнесла самым обычным тоном: «Позволь и мне дать тебе небольшой совет. Избавься от этой парочки, Орвил, не участвуй в их судьбе. Агнесса — твое наваждение, которое тянет тебя на дно, не позволяет тебе стать счастливым. Отдай ее Джеку, они стоят друг друга. Сына ты воспитаешь и без Агнессы. Когда он вырастет, он тебя поймет». Вспоминая об этом, Орвил сказал себе, что в его среде людям всегда предписывали соотносить свои действия с общепринятыми понятиями о том, что хорошо, а что дурно. Внушали мнение, что за пределами его круга, безусловно, существуют неплохие люди. Однако с ними немислимо общаться на равных, им нельзя сочувствовать, даже в том случае, если суровый трагизм их жизни можно как-то оправдать. Нередко он поступал иначе, но был ли он прав?

— Мистер Лемб?

Перед ним стоял представительный седовласый мужчина лет шестидесяти.

— Да, это я, — сказал Орвил и поднялся из-за столика.

— Простите, что назначил встречу в столь заурядном месте. Но перрон совсем рядом, а вы не знаете города.

— Не имеет значения, мистер Метсон.

Они пожали друг другу руки, и поверенный Гейл предложил:

— Давайте перейдем в более приличное место, позавтракаем и поговорим о делах.

— Хорошо.

В воздухе стоял туман, и, как часто бывает в такую погоду, облака над головой застыли неподвижной серой массой, а контуры зданий словно расплывались вдаль. Мало что можно было разглядеть, но Орвил понял, что город оживленный, большой: улицы были наводнены экипажами, тротуары — людьми. Мистер Метсон привел его в уютный ресторанчик, где они на французский манер заказали круассаны, тосты с конфитюром и кофе. У мистера Метсона (его звали Лукас) были приятные, сдержанные манеры, выдававшие вежливого, воспитанного человека.

— Итак, вы в курсе того, что произошло, сэр? — начал разговор Орвил.

— Да, мистер Лемб. Об этом писали в газетах, а ваше письмо дополнило картину. Признаться, общество до сих пор пребывает в растерянности: такого никто не ожидал.

— А как относились к миссис Миллер?

Метсон помедлил.

— Я отвечу, если вы ответите мне. Вы пострадавшая сторона, мистер Лемб, а потому мне не вполне ясно, зачем вы приехали. Миссис Миллер осудят, это не поддается сомнению.

— Чтобы не терять времени, скажу прямо: я заключил с ней сделку. Правда, лишь на словах, но по-другому не получается. Если бы я захотел, она бы не скоро увидела небо над головой, а возможно, вообще не увидела. Взамен мне нужно, чтобы она не упоминала кое-какие факты из своей биографии, потому что это может задеть интересы других людей, в частности, моей бывшей жены. К тому же у меня есть кое-какие моральные обязательства: я собирался жениться на миссис Миллер, успел даже сделать ей предложение, однако нарушил слово.

— Думаю, если бы вы его сдержали, это бы стало большой ошибкой, — заметил мистер Метсон. — Подумать только, эта женщина в вас стреляла!

— Я не учел ее несдержанности, ее неистовства и мстительности. Если бы ей удалось сбежать, ее бы все равно арестовали.

Поверенный в делах Гейл кивнул.

— Разумеется. Как к ней относились? По-разному. Конечно, ее приняли: имя Лестера Миллера многое значило, и сама по себе она была привлекающей внимание, яркой. Людей смущало, что она появилась будто ниоткуда, никто ничего о ней не знал. Но она хорошо держалась, к тому же супруг ее обожал. После его смерти от сердечного приступа от нее несколько отделились. Или она сама отделилась от общества.

— Как получилось, что почти все состояние мистера Миллера досталось его вдове? Завещание было составлено в ее пользу?

— В том и суть, что завещания не было. То есть по всей логике оно должно было быть, но его не нашли. Нотариус сказал, что документа нет. Незадолго до смерти мистер Миллер забрал его, но не успел вернуть. Миссис Миллер судилась с родственниками покойного мужа, с его детьми от первого брака, но они проиграли, им досталось совсем немного. Как все происходило, я не знаю, потому что прежде ее делами занимался другой человек. После того, как супруг миссис Миллер отошел в мир иной, она все поменяла: и поверенного, и даже наняла другую прислугу.

— Да, тут много неясного.

Мистер Метсон согласно кивнул.

— Вполне понятно, что Лестер Миллер поддался на уловки красивой женщины. Многие мужчины этим грешат, но в делах он был серьезным, разумным, расчетливым человеком. Что-то мне подсказывает, что миссис Миллер не слишком образованная дама, хотя, безусловно, умная. Ей помог кто-то из опытных юристов. Но сейчас уже трудно что-либо выяснить.

— Что теперь будет с ее имуществом и деньгами?

— Не знаю. Полагаю, родственники мистера Миллера пожелают затеять новую тяжбу. Размер состояния того стоит.

— Миссис Миллер хочет, чтобы ее наследницей стала дочь.

— Да, вы мне написали. Она никогда не говорила о ребенке. Хотя понятно почему. Думаете, нам удастся разыскать девочку?

— Можно попробовать. Интересы ребенка — это всегда святое.

Мистер Метсон склонил голову набок.

— У вас есть дети, мистер Лемб?

— Сын. Ему двенадцать. А дочь уже замужем, — сказал Орвил.

— У меня двое от первого брака, они давно взрослые. Есть и внуки. Моя жена умерла, и я думал, что больше никогда не женюсь, но через несколько лет встретил прекрасную во всех отношениях женщину. Она гораздо моложе меня, общих детей у нас нет.

Орвил улыбнулся.

— Возможно, появятся?

Мистер Миллер ответил на улыбку.

— Может быть. А как ваша... бывшая жена? Она сильно пострадала?

— Достаточно сильно.

— Но она останется жива?

— Да.

— Она будет выступать в суде?

— Выступит, если сможет. Если нет, ее показания записаны полицией. День суда еще не назначен. Сейчас миссис Миллер будет общаться с адвокатом — это мой человек.

Мистер Метсон внимательно посмотрел на собеседника.

— Это весьма необычно, мистер Лемб. Я осуждаю поступок миссис Миллер, но поскольку являюсь поверенным в ее делах, моя обязанность — защищать ее интересы.

— Я уже дал понять, что не пойду против вас.

— А как ваше здоровье, мистер Лемб?

— Со мной все будет в порядке, благодарю.

— Так что мы станем делать?

— У меня почти нет багажа. Если потребуется задержаться, я всегда успею снять номер в отеле. Можно сейчас же поехать в приют и узнать, там ли девочка. Миссис Миллер дала мне адрес.

— Тогда поедем.

Глава восемнадцатая

Погода навевала сон. Это была, если можно так сказать, спокойная, равнодушная погода. Иное творилось внутри. Орвила одолевало предчувствие какой-то борьбы и трагедии. Если бы его спросили, зачем он ввязался во все это, он бы не смог ответить. А если бы и сумел, то явно не ссылаясь на что-то рациональное. Орвил боялся себя. Ему не следовало видеть девочку, если она, конечно, жива. Он не верил, что Гейл навещала дочь и вообще узнавала о ней. Он вспоминал историю, которую рассказывали в обществе. Одна из дам каким-то образом узнала, что ее личная горничная когда-то родила ребенка. И, как и Гейл, отдала его в приют. Заливаясь слезами, испуганная служанка призналась, что все эти годы не вспоминала о дочери. Рассказывая об этом дамам, хозяйка горничной заметила, что сама она все время думает о девочке, хотя с позором выгнанная служанка, конечно, продолжала вести себя, как и прежде: не навещала и не забирала

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.